

Виктория Мальцева

The book cover features a romantic illustration of a man and a woman in profile, facing each other. They are silhouetted against a large, glowing yellow sun that is partially obscured by the horizon. The background is a deep blue night sky with some clouds and dark silhouettes of trees and foliage. The overall mood is intimate and nostalgic.

**ВСПОМНИ
МЕНЯ**

Книга 2

Виктория Мальцева
Вспомни меня. Книга 2
Серия «Вспомни меня», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68934003

SelfPub; 2023

Аннотация

Альфа и Седьмая вынуждены покинуть лагерь и отправиться на поиски цивилизации. Оба хорошо понимают, что выжить будет трудно: впереди зима, лекарства на исходе, запасов еды недостаточно. С другой стороны, наконец-то юноша и девушка окажутся наедине, и всё, что только начало между ними зарождаться, теперь имеет все шансы расцвести. Но их планы – это только их планы, потому что следом идёт третий. Точнее, третья...

Содержание

Глава 1. Другими глазами	4
Глава 2. Точки над «і»	14
Глава 3. Бегство	25
Глава 4. Нападение	39
Глава 5. А что если?	52
Глава 6. Трио	58
Глава 7. Что такое страсть?	70
Глава 8. Маяк	76
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Виктория Мальцева

Вспомни меня. Книга 2

Глава 1. Другими глазами

Это Рэйчел. Она не улыбается, скорее, кривит рот в улыбке.

– Чего ты шуришься? – с ходу допрашивает.

– Глаза из-за солнца болят.

– Как ты?

– С божьей помощью.

– И зовут твоего бога Альфой? – ухмыляется.

Я обращаю внимание на её выбор слов. Не далее, как пару недель назад, она назвала бы его «нашим».

– Уверена, у него другое имя.

– У всех нас другие имена. И всё-таки, как ты?

– Уже лучше, спасибо. Аппетита только нет. И сил мало.

– Но они же возвращаются?

Рэйчел усаживается рядом. И опять я кое-что замечаю: она не боится заразиться, чего я ожидала бы от неё в первую очередь. Эта дама – самая осторожная в коллективе.

– Конечно. Правда, слишком медленно, – честно отвечаю ей.

Сегодня четвёртый день с тех пор, как я пришла в себя,

и первый, когда мне разрешили самостоятельно выходить из хижины, греться на солнце и смотреть на море. Море – моё лекарство, а в дырчатых стенах хижины мне хорошо только когда *он* на месте, а когда его нет – душно. И страшно, что не вернётся.

Страх – штука странная. Все месяцы до этого мне не было так тревожно за него, как сейчас – болезненно, панически, но... и хорошо мне не было тоже. Это «хорошо» я называю «счастьем», потому что ничего другого не знаю... или не помню. Эти последние четыре дня – лучшие в моей жизни. В той её части, которая хранится в памяти, разумеется.

Это моё главное и любимое занятие теперь – перебирать в памяти кусочки, где мы вместе, взгляды, слова, прикосновения... Всё это очень странно.

Он называл меня «родной» во время болезни, я помню. Произносил это в те моменты, когда мне было больнее всего, а в его глазах скапливалось слишком много отчаяния. Сейчас, когда моё сознание с каждым днём всё прозрачнее, я часто повторяю это слово про себя.

Родная.

Что оно означает?

Если вернуться на месяцы назад, когда мы впервые очнулись на этом берегу, он был первым, кого я увидела. Так сложились обстоятельства. Но если бы я открыла глаза, и передо мной стояли бы все девятнадцать бедолаг, лишённых памяти во имя эксперимента или телешоу, я бы тоже увидела его

первым. И не потому, что он самый высокий и объективно самый красивый человек из всех – есть что-то ещё. Нащупать это «что-то» и сформулировать прежде не виделось возможным, но теперь, после болезни, складывая кусочки воспоминаний, как мозаику, и владея словом «родная», я начинаю осознавать, кто он.

И дело не в легенде про «разорванную пару», которую каждый притягивает за уши в свою хижину, дело в том, что я чувствую, когда мы вместе. Не важно, в ссоре мы или «в поцелуях», если он рядом – мне спокойно. За себя и за него. В равной степени: за себя и за него.

– Вся деревня слышала, как он выл, – внезапно сообщает Рэйчел.

Её голос далёк и от веселья, и от иронии, так привычных ей. В нём тревога.

– Кто?

– Альфа. Я внутрь не входила из-за инфекции. Но ты же меня знаешь – любопытство когда-нибудь точно меня прикончит. Словом, когда Вожак воет, в срубе не усидишь. Ты как будто умерла, когда я заглянула, и уже не в первый раз, со слов Леннона. Альфа выглядел так, будто сошёл с ума. Сдавливал твою грудь, дышал в рот, будто хотел надуть... и, видно, разодрал твою болячку так, что всё твоё лицо было в крови. Да и его тоже... Жуткое зрелище.

Рэйчел задирает руку и указывает на угол своего рта в том месте, где у меня уже отвалилась корка.

Сегодня утром он поцеловал меня с той стороны, где мои губы здоровы, со словами «я с краешку». Это «с краешку» – мой талисман на сегодня. Я бережно храню его на языке, как последнюю карамельку, с которой никак не хочется расставаться.

– Кровь его, конечно, не пугала, – со вздохом заключает Рэйчел, – а вот, смерть – да.

Я ничего из этого не помню.

– Да, – продолжает Рэйчел. – Это действительно было из ряда вон – видеть самого сильного... сломленным. Мы ведь все зависим от него... ну, объективно.

Она снова умолкает, и мне очевидно, что ей нелегко рассказывать. Не такая уж она и циничная, какой хочет казаться.

– В общем, когда я заглянула, он на коленях стоял... и стонал.

Она резко поворачивает голову в мою сторону:

– Выл, как зверь. Если точнее.

Потом снова отворачивается, и, уставившись на море, добавляет.

– Что бы он ни делал, ты не дышала.

Я не знаю, что говорить. Поэтому сообщаю очевидное:

– Сейчас вроде дышу. Значит, у него всё-таки получилось.

Сердце моё бьётся так, будто до этого тонуло, а теперь выбралось на поверхность и не может отдышаться.

Проходит время, прежде чем Рэйчел натягивает улыбку и

меняет пластинку:

– В деревне многое переменялось, пока ты болела. А пока выздоравливала, изменилось ещё больше. Угадай, кто объявил тебя ведьмой?

Тут даже гадать не нужно.

– Цыпа?

– Нет, – хохочет Рэйчел.

А я в растерянности.

– Красивая?

– Да уж... Похоже, твой случай безнадежен. Ни черта ты не разбираешься в людях. Дана! Дана заявила, что «так околдовать парня могла только ведьма». Красивая, как раз, неожиданно выдала разумную мысль: «Что, если он выбрал её, значит, сразу ведьма?»

– А ты что сказала?

– Ничего. В сложившейся ситуации, знаешь ли, когда у Главного поехала крыша, и он ни с кем не разговаривает, никого не слушает, ни о чём не хочет слышать, надеяться на его защиту – это рыть себе могилу.

Тут никто никому не должен. Я помню.

– Люди настроены агрессивно. И не удивительно: в своих бедах и лишениях всегда удобнее обвинить *кого-то*, найти объект для ненависти. Боюсь, речь уже идёт даже не о травле. Тебя убить хотят, Седьмая. Не все, конечно, но уже многие. И самое страшное – Альфа полностью потерял авторитет. И если бы только он разговаривал с людьми, если бы он

не бросил жену, если бы его жена не ждала ребёнка, если бы, и если бы, если бы... Они больше не чувствуют себя защищенными, и поэтому в деревне массовый психоз: "Ведьму на кол", "Сжечь тварь", "Освободить Альфу".

– От чего освободить?

– Ты серьёзно или шутишь? А... это видать, последствия болезни. Напомню: ты украла парня у беременной девушки. И она от горя решила покончить с собой.

– Альфия?!

– Угу. Смотрю, уже лучше соображаешь. Она и заварила весь этот котёл, пока соплеменники слушали, как самый несокрушимый воет. Когда ты всё-таки очухалась, все ждали что он вернётся к жене.

– Жене?

– Не притворяйся, что ты не знала. Все видели, они проводили ночи вместе... хоть и тайком. Он, очевидно, не определился с выбором, но и удовольствие получать хотел. Бог ему судья. Все мы грешные, никто не без недостатков.

Я закрываю лицо рукой – солнце слишком яркое, глаза слезятся.

– В общем, она ушла. Ребята её искали, и не нашли, но обнаружили её футболку, прибитую к берегу в том месте, где мы купались.

– Господи...

– Вот тебе и Господи. После этого все съехали с катушек. Именно после этого. И хотя у тебя совершенно неожиданно

нашелся защитник в лице Красивой, её обращение на сторону большинства заняло ровно три секунды: никто не хочет лишиться поддержки из-за тебя. Умник вот тоже сразу выбрал правильную сторону. Нет смысла сопротивляться силе, в несколько раз превосходящую твою, тем более, что она на правильной стороне.

– Правильной? – уточняю я с перекошенным лицом.

– Конечно, правильной. Она ведь беременная, Седьмая!

Сколько повторять?

– А при чём тут он? – почти кричу ей.

Она смотрит на меня, как на дуру, и даже не улыбается.

Некоторое время спустя спрашивает:

– Окей. Тогда давай ещё раз: что ты помнишь о сексе?

Её вопрос огорошивает, но я решаю говорить всё, как есть. Хуже уже быть не может. Я и так ведьма.

– Только то, что всем он нравится.

– В этом участвуют интимные органы, Седьмая. Как именно они участвуют, ты помнишь?

– Нет.

– В таком случае, может, ты и не знала никогда?

– Что ты хочешь этим сказать?

Рэйчел поджимает губы, прежде чем открыть рот и просветить меня.

– У парней тоже есть семена. Как ты понимаешь, они необходимы для зачатия. Женщины вроде земли, в которую они и высаживают эти семена – каждый свои. Миру известен

лишь один случай, когда это произошло без участия мужчины...

Рэйчел долго и терпеливо ждёт, пока закончится мой приступ кашля, и в общих чертах обрисовывает анатомию того, как именно происходит зачатие.

У меня начинает болеть всё тело.

Я всего этого не знала, но... каким-то образом «догадывалась», что именно происходит у пар, между Альфой и Цыпой в том числе. Мне было очень тяжело жить, когда я увидела Цыпины кроссовки рядом с его хижинкой. Все свои муки объясняла этим болючим чувством «ревность», а легче мне становилось только от пилюли Рэйчел «Здесь никто никому не должен». Её средство, конечно, шло вразрез с политикой Вождя, согласно которому «Выжить мы сможем только вместе», но очень уж действительно помогало.

Если мы все вместе, и всё у нас должно быть поровну, то как же так выходило, что Цыпе доставалось его внимания больше всех? Вооружившись таблеткой Рэйчел, я больше склонялась к версии «Будь моя воля, я бы забрала это внимание целиком себе и ни с кем бы не делилась».

Воля не моя, но в эти дни его внимание целиком принадлежит мне. Вон, даже разговаривать ни с кем не хочет. Даже с теми, с кем действительно надо поговорить.

Хорошо ли мне? Довольная ли я теперь, когда узнала о сбежавшей Цыпе? Где она? Что с ней? Что будет с ребёнком, если Цыпа не ест? Как долго он продержится? Успеет

ли Альфа их найти?

Вот и выходит, что «Никто никому не должен» – полная чушь. Альфа должен. Потому что, отдавая своё внимание Цыпе, он посеял свои семена, и они взошли. Теперь за ростками нужно ухаживать.

– Единственный, кто за тебя впряжётся – это Леннон. Дурочок. Идеалист! Но его сил, конечно же, не хватит. А Альфа – неменяемый. Как тебе живётся, кстати, с человеком, который сошел с ума?

– Со мной он разговаривает.

Я не знаю, зачем сказала это. Наверное, желание не выглядеть ведьмой в её глазах превысило здравомыслие и осторожность.

– Да-а-а?! Это очень интересно... Это прямо...

От того, как Рэйчел растягивает рот в улыбке, мне становится жутко. Она молчит некоторое время, такое долгое, что мои страхи приобретают неукротимый характер. Может быть, все дело в перенесённой болезни, в галлюцинациях, в моём, возможно, повреждённом инфекцией мозгу, но от страха у меня трясутся руки. Я уже не уверена, разговаривал с ли он со мной? Может, мы оба сумасшедшие? Может, мои галлюцинации, или фантазии, или сны, или воспоминания, будь они прокляты, не прекратились?

– Хорошо. Это очень хорошо! – с выдохом заключает Рэйчел. – Бог вам в помощь.

Она резко поднимается, чтобы уйти, даже делает несколь-

ко шагов в направлении деревни, потом вдруг резко останавливается, оборачивается, и наставляет напоследок:

– Не отходи от него ни на шаг. Если он идёт на охоту – ты с ним. Знаю, что тяжело, но выбора у тебя нет. Остаться одной в его долгое отсутствие слишком рискованно. Леннон раз пять пытался с ним поговорить – всё без толку. Сегодня утром я тоже к нему подходила. И знаешь, что?

– Что?

– Он зашипел на меня, как дикий бешеный кот!

Уходя, она хохочет, не очень громко, правда, но её смех не злой, и мне становится немножко легче.

Глава 2. Точки над «і»

Beach House – Take Care

Ноги не хотят идти. На мой рай вылили цунами отрезвляющей правды, и все краски – и яркие, и пастельные тона – безвозвратно смыло. Осталась только серая реальность, которую я упорно не желаю величать адом. Не клянутся в моём сознании «ад» и парень с шоколадными глазами. «Альфа» – не его имя. Не его.

Из его хижины валит дым: он уже вернулся – сегодня неожиданно рано, а я впервые не рада. Я бы взяла «тайм-аут» – несколько часов его отсутствия на обдумывание его же решений.

Забавно, но раньше мне всегда приходилось расчленять только собственные промахи, а теперь вот его выходят на первый план. И что самое странное и... страшное, его поступки намного больше.

Не правильно это, болезненно не верно, если Цыпа, как бы неприятна она мне ни была, осталась без его поддержки. Он участвовал в том, что сделало её беременной, а значит, самой уязвимой из всех. Без него ей не выжить, ясно же. На её месте я бы изо всех сил постаралась, но будем честными – шансы невелики.

И есть ещё кое-что. Как же можно оставаться таким безразличным к младенцу? Ладно я – все, включая меня саму,

уже поняли, что со мной что-то не так, и я не вписываюсь в стандарт эмоциональных реакций на общие для всех события, но, если всё это отбросить, он ведь, получается... отец.

Мне кажется, у него это не обязанность, а потребность должна быть заботиться и защищать их обоих. Разве нет? Тогда чем же он сейчас занят?

В котелке варится птица – сегодня только одна – вот, почему он вернулся раньше.

Он не смотрит на меня, когда я вхожу, и, хотя я ему за это благодарна, меня одновременно забавляет и пугает то, как безошибочно он чувствует моё настроение. Как, впрочем, и я его. Он улыбается мне, когда я хочу ему улыбаться. Он тянется поцеловать, когда я думаю о том, какие красивые у него губы. Он не отрывает взгляд всякий раз, когда у меня вдруг возникает это странное головокружение и чувство, будто я проваливаюсь в другое измерение.

В тот самый первый день трезвости и сознания после болезни и началась моя сказка. Местами она была стыдной, неловкой, непонятной, но всегда до умопомрачения уютной, потому что обо мне никогда ещё так не заботились.

Первым делом он поменял мой спальник на сухой и помог переодеться в сухую одежду. Пока я боролась с напором стыда и смущения, он вынимал мои руки из рукавов так, будто делал это тысячи раз до этого. Моя нагота для него – уже вещь привычная, похоже. Я прикрывала грудь руками и ещё сильнее краснела, понимая, как это глупо: в течение пяти

дней моего полусознания никто не прикрывал мне грудь.

И ещё мне открылось, что он умеет быть заботливым на гораздо более тонком уровне, нежели добыча еды и смена белья. Когда мой взгляд в очередной раз болезненно упёрся в галерею моих же трусов над костром, он снял с моей гордости плиту стыда и позора:

– Во время этой болезни люди очень сильно потеют.

И я вспомнила: о да, это правда! И Умник, и Леннон почти никогда не ходили в туалет, потому что вся жидкость выходила из них потом. А постель бедолаги, чью хижину мы разворотили, была завалена тряпьем – он кутался во всё, что у него было, потому что мёрз, а мёрз, потому что был мокрым и не имел сил переодеться. Умника и Леннона тоже Альфа переодевал, поэтому я сразу и не сообразила.

– Я – гигантская нескончаемая проблема для тебя, – согласилась я с очевидным.

– Мир был бы скучным без проблем, а значит, бессмысленным, – ответил он.

Потом до меня дошло, что всё это он делал, болея сам, и никто о нём не заботился. Правда, и болел он легче всех, что ещё раз подчеркнуло, выпятило – он сильнее всех.

Но он всё-таки болел. У него тоже был жар, и он тоже потел.

Болезнь вместе. Быть соучастниками не только в быту, но и в боли, в страдании, страхе. Даже если один менее болен или совсем не болен, болит у него не меньше, только в другом

месте. Ему тоже страшно, только совсем другим страхом.

И этот его страх я осознала явно и трезво, когда он обернул меня в спальник, взял на руки и, будучи сам слабым после болезни, понёс на берег. Когда остановился передохнуть, и мы сидели на стволе не пережившего цунами дерева, я напонила ему:

– Я тяжёлая.

– Нет, ты почти ничего не вешишь, – ответил он. – Дело во мне.

Конечно, в нём. Он сам ещё не выздоровел.

А когда мы, наконец, добрались до пляжа, он сказал:

– Вот твоё море.

Альфа долго и тщательно моет руки в глиняной миске, которую вылепила когда-то я, потом принимается отделять крошечные куски мяса от тонких косточек птицы и протягивает их мне. Я не сопротивляюсь, молча жую всё, что он в меня пихает, хотя есть совсем не хочется. Всё это дело потом приходится запить бульоном, и он не соглашается взять хотя бы часть себе.

– Я крепче, – всегда его ответ.

Потом вынимает из моего рюкзака толстую бутылку с витаминами и даёт мне одну.

– Тебе тоже нужно, – настаиваю.

– Я крепче, – мотает головой и быстро прячет банку обратно.

Не было бы у нас этих банок сейчас, если бы не он. И у Леннона с Умником также не было бы шанса. Как и у меня, впрочем.

Richard Walters – Unconditional

Это было давно... но и не в первые дни, впрочем. Я что-то сделала, наверное, снова грибов набрала, а он опять заметил и орал на меня. Я, конечно, огрызалась, и тогда он произнёс эту фразу: «Что бы это ни было, мы вляпались из-за тебя». Потом добавил: «Я в этом уверен». Вот если бы не добавка, у меня не возникло бы даже сомнений, что фраза касалась грибов и прочих моих действий, влекущих потенциальные проблемы. Но вот, «Я в этом уверен» как-то разрушило всю картину. В то время я начала уже сомневаться в собственных способностях, и у меня появились мысли вроде «может, дело не в том, что я меньше всех помню, а в том, что я просто-напросто тупее всех остальных, а не умнее, как мне думалось в самом начале?». Моё непонимание разговоров (хоть своих, хоть чужих) и остающиеся не отвеченными вопросы стали хроническими, и мне это уже было привычно, поэтому я быстро забыла нашу очередную ссору и его слова.

И вот именно сейчас, когда мы оба худые, как скелеты, сидим в его хижине и смотрим друг на друга, в моей памяти вдруг всплывает этот эпизод. И мне приходит в голову, что ключ ко всему мне вручили в самом начале, просто я, недо-тёпа, сунула его в дальний карман и забыла.

– Ты помнишь что-нибудь? – спрашиваю его прямо.

Он отводит глаза и молчит.

– Ты помнишь, – отвечаю за него.

В моих словах грусть, потому что... если он помнил, почему не сказал? Больно думать, как много ошибок я могла бы избежать, насколько счастливее была бы в эти месяцы, насколько счастливее был бы он – и я в этом не сомневаюсь, потому что вот уже несколько дней живу с ним в сознании, сплю в его руках, смотрю в его глаза, отвечаю на его поцелуи «Я с краешку».

– Ты с самого начала всё помнил?

Мне не хочется быть с ним холодной, да и нет на это права, но по-другому никак не получается.

– Нет, – сразу отвечает, и я выдыхаю.

– А когда?

Он тянет с ответом, долго качает головой, будто сам не верит.

– Когда ты болела... и совсем мало.

Я соображаю долго.

– Когда я болела? Это в самом начале?

– Сейчас.

Он поднимает глаза, а я могу смотреть в них вечно. Со всеми остальными иначе: долгие взгляды причиняют мне дискомфорт, я их избегаю, всячески уклоняюсь и строго лимитирую. А вот с ним – совсем другое дело.

– Почему мне так... уютно с тобой? – неожиданно для себя самой спрашиваю.

От этого вопроса его лицо становится светлее и мягче, он начинает немного улыбаться.

– А ты как думаешь?

– Я думаю, всё дело в том...

Понятия не имею, в чём. Вернее, уверена, что моя в него влюблённость и это чувство всепоглощающего комфорта, когда он рядом, не связаны. Может, и связаны в том плане, что влюблённость – производное, а не наоборот, но я думаю, что помимо любви есть что-то ещё. Нечто гораздо большее.

Его лицо из мягкого становится болезненным.

– Ты даже не представляешь, как сильно меня напугала.

– Очень хорошо представляю. Я испугалась не меньше, когда все спасались от цунами и бросили тебя...

– Не все. Ты не бросила.

Он щурится, хотя солнца в хижине не бывает, и от его улыбки на меня накатывает неудержимое желание поцеловать его в губы, но недавно пережитый разговор с Рэйчел быстро возвращает на землю.

– Тебе их не жаль? – спрашиваю.

– Кого?

– Альфию и ребёнка.

– Жаль.

Он отворачивается, выуживает откуда-то яблоко и, сунув его в мои руки, садится ближе к свету, рядом со своим рюкзаком. Вынимает заготовленные прутья, выбирает один из них и начинает вытачивать стрелу. Это – его рутинное, ежеднев-

ное занятие, потому что вытачивание стрел экономит время в лесу – ему не приходится искать их.

– Тогда почему ты не идёшь за ней?

– Потому что занят.

В его тоне раздражение. Взбесившийся океан раздражения.

– Разве... Я знаю, чем ты занят, и безмерно благодарна, но... объективно, есть вещи поважнее.

– Какие, например?

– Ей нужна помощь. Нет, она в ней нуждается.

– Я не могу разорваться. К сожалению, на всех меня не хватит.

– Альфа...

Его аж передёргивает. Интересно вот, насколько сильно он ненавидит своё имя, настолько же сложно мне его произносить. Он называет меня «Седьмая», и это просто номер, то есть, вещь обезличенная и успокаивающая тем, что временная. Каждый из нас, хочет верить, что всё это выживание когда-нибудь закончится.

– Альфа, она беременна.

– Сочувствую.

У меня шок, и, видимо, поэтому я сижу с открытым ртом. Где Рэйчел? Пусть посмотрит на него сейчас! И пусть вспомнит все свои песнопения в его адрес. Как она там говорила? Он помогает всем? Он заботится, поэтому его любят? Он даёт людям чувство безопасности?

Его рука стёсывает кусочки дерева с будущей стрелы с явным остервенением.

– Ты должен ей помочь... Все так считают, все этого ждали... ждут.

– Боюсь, на этот раз не получится.

– Что... и ребёнка своего тебе не жаль?

Охотник прекращает стругать прут, который явно испорчен – он уже вдвое короче его обычных стрел.

– Какого ещё «своего» ребёнка?

– Она беременная, Альфа! – мои нервы тоже не железные.

– А я тут при чём? – вспышивает он.

– Ты? Ты...

Мне кажется, я задыхаюсь. Все слова разбежались, и собрать их во что-нибудь вменяемое мне удаётся не сразу.

– Вы спали в одной хижине! Все это видели!

– Ты месяц спала в палатке Леннона. Мне что, озаботиться ещё и тем, что ты беременна? Лучше не надо! Беременность и роды в этом лесу ты точно не переживёшь, и, боюсь, на этот раз я буду бессилён!

Он орёт. Если у него и был какой-нибудь хитрый план, то теперь вся деревня в курсе, что он вполне вменяем.

У меня трясутся руки. И я уже, оказывается, давно рыдаю. Только теперь заметила.

Он швыряет испорченный прут в костёр, вынимает новый и берётся за него. Пока я молчу, дело спорится – будущая стрела похожа на будущую стрелу.

– Рэйчел говорит, что... ты отец.

– Забавно, – хмыкает. – Рэйчел знает обо мне больше, чем я сам.

Я начинаю рыдать ещё сильнее. Слезы просто душат.

– Это не ты?

– Это не я.

Интересно вот: от плохих новостей я расстраиваюсь, но держу себя в руках. А стоит обрушиться новостям хорошим – и выдержке конец. Слезы, как горная река.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Я просто... мало помню...

Мой нос полон соплей и дышать приходится ртом, а поскольку вся эта беседа – эмоциональный предел, из меня иногда вырываются некрасивые хлюпающие звуки.

– Только сегодня, а точнее, сейчас, Рэйчел объяснила мне... что такое... ну, секс. Мы ничего такого с Ленноном не делали! И... я помню об этом настолько мало... да ни черта я не помню! Вообще, ничего! Поэтому, думаю, у меня этого и в прошлой жизни не было.

Он замирает. Смотрит прямо перед собой на тонкие лучи света, сочащиеся из изгороди, потом медленно поворачивает голову, и мы оба зависаем в глазах друг друга.

– Ты не девственница.

У меня мороз по коже. И приступ неукротимых слёз в миг вылечен.

– Тебе откуда знать?! – выпаливаю я.

Его глаза сужаются. Такого выражения на его физиономии я ни разу ещё не видела. Даже дышать перестаю в предвкушении того, что он ответит.

– Ложись спать. Этой ночью мы уходим.

Глава 3. Бегство

Motion Sickness – Phoebe Bridgers

На мне куртка и рюкзак. В рюкзаке только лекарства. Всё тяжелое у него: наша одежда, спальники, мачете, запасы еды, палатка, нож, копьё, бутылки с водой и туалетные принадлежности. И всё равно я еле ноги волоку.

Рюкзаки собирал Альфа. Запасы еды тоже. Я понятия не имела, что у него всё давно продумано, рассчитано, заготовлено: сухие фрукты, вяленая рыба и мясо. Даже сахар есть кусочками и несколько консервов – не всё, оказывается, он отдал тогда Цыпе.

Я сама себя не узнаю: он сказал пора, и я встала, натянула куртку, повесила на себя рюкзак и вышла. Теперь вот топаю вслед за ним и не задаю вопросов. Не то что бы мне было не интересно, куда мы идём и почему выбрали этот путь, просто я уверена в его решениях.

Мы почему-то и в лес не пошли, и не спустились на пляж. Насколько я могу ориентироваться в темноте и узнавать местность, наш маршрут проходит вдоль побережья, но на возвышении. Мы проходим все точки, где в долгосрочном плане планировалось выстроить все десять срубов.

Уже очень короткое время спустя я с трудом передвигаю ноги – чтобы сделать шаг мне требуется усилие. Всё дело в

ночном времени – я в этом уверена, просто мой организм – дневная птица, а не ночная.

– Можно передохнуть? – спрашиваю у него, вконец выбившись из сил.

Он останавливается, смотрит на меня с некоторой обречённостью, затем вздыхает и говорит:

– Снимай рюкзак.

– Да я сама понесу! Только давай немного передохнем.

– Некогда отдыхать.

Альфа протягивает руку и не грубо, но всё-таки резковато стаскивает с меня рюкзак.

– Ты думаешь, они станут нас преследовать? Считаешь, им заняться нечем?

– Не знаю, – отвечает он. – В последние дни так и было.

Ясно, значит, мы перестраховываемся. Что иногда тоже нужно.

– Но почему нельзя просто передохнуть? Ночью идти опасно. Давай дождёмся утра?

– Дойдём до лагуны, тогда и остановимся. Минут на двадцать.

Я в ужасе: такое расстояние, да ещё ночью, мне точно не пройти. Мало того, что силы не восстановились после болезни, так ещё и куртка – в ней тяжело идти! Раньше я в куртке только спала.

Спотыкаясь и еле перебирая ногами, я стараюсь не отставать от него.

– Ты правда, думаешь, они за нами пойдут?

– Теперь у них есть всё, кроме развлечений, – отвечает он, не задумываясь. – Гоняться за ведьмой очень увлекательно, а ненавидеть – вообще, любимое занятие всех времён и народов. Очень выгодно отвлекает от проблем насущных и тяжело решаемых. Сложно придумать, как пережить зиму без овощей и фруктов, но можно легко избавиться от ведьмы. Реальную проблему это не решит, но позволит чувствовать себя лучше.

– Они всерьёз ненавидят меня?

Альфа останавливается и некоторое время очень внимательно рассматривает моё лицо.

– Я не знаю. Ты почти всё время сама по себе. Если бы больше проводила с ними времени, у тебя однозначно было бы больше шансов на их снисхождение.

– Терпеть не могу снисхождение!

– Даже ценой жизни?

Я не знаю, что на это отвечать. Слишком сложный вопрос для моей скудной памяти и ненадежно работающего мозга.

– И Леннон тоже меня ненавидит?

– Не знаю.

Чуть погодя он решает всё же добавить:

– Леннон нет. Леннон точно нет.

Как только мы, с горем пополам, добираемся до скалы, я получаю долгожданные указания:

– Посиди пока, передохни.

Альфа вынимает из своего рюкзака верёвку. Она связана из двух: первую, пластиковую изумрудного цвета, мы нашли на побережье, вторую, сделанную из натуральных волокон, Альфа принёс из землянки, ещё когда наткнулся на неё в первый раз.

– Что ты будешь делать? – спрашиваю.

– Мы спустимся в низину тем же путём, каким однажды поднялись сюда, на скалу. Это сэкономит нам несколько часов пути.

Гениально! Только теперь я понимаю: если бы мы пошли по пляжу, на весь путь в моем нынешнем состоянии ушёл бы день, не меньше. А так, когда спустимся, нам уже будет рукой подать до лагуны. Там и отдохнём.

Альфа привязывает верёвку к своей талии одним концом, а второй обвязывает вокруг меня.

– Ты первая. Как только спустишься до выступа, подожди меня. Длины верёвки до конца лаза не хватит.

– Хорошо, подожду.

Мне бы сейчас главное только спуститься в целости и сохранности, как он и предполагает, а не шлёпнуться. Недостаток сил и слабость – это только одна проблема, вторая заключается в том, что я ещё и соображать стала хуже.

Свесив в лаз ноги, я долго не могу решиться опустить туда же живот.

– Не бойся, – приободряет меня мой спутник. – Я удержу.

Минут десять спустя, когда я в гордом одиночестве сижу

на выступе и жду, пока он тоже слезет, меня развлекают размышления о том, что всего нескольких его слов – обещания удержать – хватило, чтобы я тут же рванула вперёд.

Вместо Альфы первыми появляются наши рюкзаки. Я ловлю их и отвязываю.

– Зачем? – спрашивает он, спустившись.

И до меня только теперь доходит, что верёвка нужна была только для того, чтобы спустить рюкзаки и меня. Я – третий рюкзак, самый тяжелый.

– И самый ценный, – добавляет Альфа.

Последняя фраза у меня вслух что ли вылетела? Господи, что же делать с головой... Но «самый ценный» мне очень нравится. Невообразимо сильно, так, что я аж до ушей улыбаюсь, и мне приходится отвернуться, чтобы он не заметил.

– Дальше я спущу тебя на верёвке, – объясняет Альфа. – Но, если её длины не хватит, тебе, возможно, придётся прыгнуть. Сможешь?

– Конечно, – обещаю я. – А как спустишься ты?

Тяжко вздохнув, он обрисовывает свой план:

– Пока ствол дерева будет достаточно узким, и я смогу его обхватывать, буду ползти. Как только он расширится настолько, что мне никак его не обхватить, привяжу верёвку и спущусь по ней. Надеюсь всё получится.

И мне становится ясно: наш гениальный план – это только для меня расслабленный безопасный аттракцион, а для него – испытание.

– Слушай, – говорю ему, – там внизу была умершая ветка. Я её запомнила, потому что она тянулась-тянулась к свету, но так и не дотянулась. Предлагаю вот что: полезем до этой ветки по очереди, потом ты спустишься первым вниз, а я перекину верёвку через ветку – её длины должно хватить – и присоединюсь к тебе. Потом просто выдернем её конец. Так и для тебя безопаснее будет, и верёвку сохраним.

Альфа смотрит на меня с недоверием:

– Я не помню там никаких веток.

– Просто ты невнимательный.

Я лезу первая. Как только добираюсь до ветки, усаживаюсь на неё в том месте, где она прикреплена к стволу, и отвязываю верёвку.

– Ну что? – кричит мой напарник. – Есть там эта ветка?

– На месте, – ору в ответ. – Спускайся давай!

Вместо него опять первыми вниз съезжают рюкзаки. Я думаю: почему просто не сбросить их отсюда на землю? Бить-ся-то там особо нечему.

Добравшись до меня, начальник миссии, в конце концов, хвалит:

– Молодец, Седьмая. Верёвка нам ещё пригодится.

Он тоже пропускает ветку между ног и садится позади меня.

– Я думала, ты сразу вниз спустишься.

– Немного передохну.

Он запыхался: ползти, упираясь руками и ногами в отвес-

ную стену скалы, а спиной в ствол дерева довольно непросто, опасно и требует немало сил. Он тоже устал. И он тоже после болезни.

– Я вот всё думаю..., – начинаю и намеренно замолкаю.

Не проходит и минуты, как он любопытствует:

– О чём?

– Ну вот, ты же сказал, что кое-что вспомнил, когда я болела. Правда, не сказал, что именно, но ладно, допустим, это так. Но ведь поцеловал-то ты меня до того...

– Допустим, – соглашается он.

– Раз поцеловал, значит, выбрал. Ты же не из тех, кто целуется просто так?

– Не из тех, – основа соглашается он.

– Если ты меня выбрал, то мне хотелось бы знать, почему?

Вместо ответа, я слышу позади себя шорох, а когда оборачиваюсь – Альфы и след простыл – он уже спускается по верёвке, да ещё так шустро! Не то, что пауком по стене лезть!

Когда очередь доходит до меня, я приземляюсь не на груды веток и обломков камней, оставшихся после цунами, а прямиком в его руки. И это нравится мне не меньше, чем «Самый ценный рюкзак».

– Так что там? Почему из нас двоих ты выбрал меня? – напоминаю вопрос, пока ответчик упаковывает верёвку обратно во внешний карман своего рюкзака. – Только честно.

– Из вас двоих?

Он бросает на меня какой-то, мягко говоря, недружелюб-

ный взгляд. Потом ещё один, и на это раз я бы назвала его злобным.

– Ну, между мной же и Цыпой ты выбирал? Или там ещё кто-то был?

Поднявшись, надев на себя оба рюкзака и сделав первый шаг по ему одному известному пути, Альфа, наконец, открывает рот, чтобы ответить:

– Ты своенравная, своевольная, болезненно относишься к свободе. Ты умная, справедливая. Ты можешь быть нежной и заботливой, но не для всех и не всегда. Это нужно заслужить или заработать. Может быть, поэтому твои забота и нежность воспринимаются по-другому, их ценность выше. Намного, гораздо выше. Они как награда или... наркотик. Их не просто хочется получить, ты становишься одержим вначале желанием, потом потребностью. В тебе так много красок, что окружающие блёкнут на твоём фоне, становятся неинтересными, скучными. Пресными. Утомительными. И только за тобой хочется бежать, искать тебя, а поймав, всеми силами держать, но ты всё равно выскользнешь. Снова убежишь, но недалеко – ровно туда, где я снова смогу тебя найти. Гармония. Это называется гармония. Для кого-то твоя пестрота – это слишком. Кто-то хочет линейности и покладистости, и в этом их комфорт. Для кого-то даже в тебе мало огня, а для меня – в самый раз.

Пауза. Пока я собираю мысли в кучу, он останавливается, разворачивается ко мне лицом и добавляет:

– Это то, что ты хотела услышать. А теперь правда... Говорить?

Я сперва оторопеваю, потом, в принципе, узнаю его вредную и непредсказуемую натуру.

– Конечно.

– Вряд ли она тебе понравится.

– Переживу.

– Хорошо. Окей. Запах твоего тела.

– Запах?

Я даже останавливаюсь от возмущения.

– Да, запах. Вначале он нравился. Просто нравился. Потом стал требовать подойти к тебе. Я подходил, а он уже хотел больше: заговори. Я говорил, а он требовал ещё и ещё, больше и больше... почти завладел моей волей целиком.

Выдав всё это, он просто разворачивается и уходит. Его темп ускоряется, возвращается к тому, каким мы и шли всё то время пока молчали, и сейчас я почему-то не иду за ним, а практически бегу. Откуда только силы взялись?

– То есть, я настолько тупа и скучна, что даже разговор со мной – это плата? Единственное, чем я интересна, это запах? И ты выбрал человека из-за того, как он воняет потом?

Мой собеседник ухмыляется, обернувшись вполоборота, но не останавливается.

– Ты и впрямь считаешь, я выбирал?

– Нет?

– Нет.

– Ты хочешь сказать, у тебя не было выбора?

– Именно это я и хочу сказать.

– Обидно. Зачем ты так? Почему обижаешь меня?

Альфа снова останавливается, на этот раз так резко, что я врезаюсь в него.

– Я не хотел тебя обидеть. Ты просила правду, вот мы и говорим начистоту. А правда – она у каждого своя. Глупо было надеяться, что моя правда – это то, что ты хочешь услышать.

Меня тошнит. Так сильно тошнит, что тёмные стволы деревьев перед глазами превращаются в кисель. Не стоило мне за ним бежать, ох не стоило... Ноги становятся ватными, а потом и вовсе словно исчезают, как и все мои мысли, и я вместе с ними.

Когда прихожу в себя, мой герой держит меня на руках, упирается своим лбом в мой и дышит тяжело и протяжно. Он так трогательно обо мне переживает, когда что-нибудь случается! Но стоит мне вернуть сознание, обрести здоровье и некоторую от него независимость, как он тут же начинает рычать. Ну, в принципе, это и неудивительно: если ты в целом не нравишься, а твой магический запах заставляет человека с тобой разговаривать, а на самом деле ему не хочется, конечно озвереешь. Тут только и остаётся, что злиться.

– Почему не сказала, что плохо? – сразу отчитывает, хоть и продолжает обнимать.

– Я говорила, что мне тяжело идти. А бежать тем более.

Я слышу, как он скрипит зубами.

– В следующий раз достаточно попросить, чтобы я подождал!

Он не просто убирает руки, а прямо отталкивает меня. Неприятно.

– Остаток ночи проведём здесь. Костёр разводить не буду – по дыму нас быстро вычислят. Так что, сейчас соберу веток и сделаю настил. Ты пока поешь.

– А ты?

– Поешь! – повышает он голос. – Я не падаю в обмороки без конца!

Можно подумать! Это был первый раз за последние четверо суток... ладно, второй.

Мы не разговариваем, когда он укладывает настил, молча воюем, пока ставит палатку. Мне бы хотелось узнать, каким образом палатка Леннона оказалась у Альфы, но смелости открывать рот и задавать вопросы больше нет. Ничего хорошего всё равно не услышу, в очередной раз укусит.

И чего ты такой злой? – спрашиваю его про себя.

Он оборачивается, словно услышал. У меня аж мороз по коже.

– Лезь в палатку, – командует.

Мы съедаем по куску вяленой рыбы – от соли у меня сводит лицевые мышцы, а воду нужно экономить.

– Пей, сколько хочется, – говорит мне Командующий – ничего от него не скроешь. – Завтра наберём ещё воды. Тут есть ручей.

LÉON – Wishful Thinking

Спать укладываемся каждый в своём спальнике, только коврик у нас один, и мы аккуратно на нём помещаемся, словно он и был так задуман – на двоих. Альфа поворачивается ко мне спиной. Уже, очевидно, светает, потому что мне чётко видны пряди его волос на голубом фоне тента палатки. За эти месяцы они так сильно отросли, что начали загибать концы в полукольца. Некоторые выглядят так забавно, что хочется просунуть в них кончик пальца и распрямить, а потом отпустить и смотреть, как они завернутся снова.

Я раздумываю над тем, чтобы просто подползти к нему поближе и прижаться. Чтобы теплее было. Но он повернулся спиной не просто так – не хочет ни видеть, ни разговаривать. На меня вдруг накатывает такая безмерная жалость к себе, что глаза наполняются слезами: да не холодно мне вообще, просто хочется, чтобы он обнял. Его руки – это, пожалуй, самое лучшее, что случилось в моей жизни. Если верить Рыжей, они сильнее даже антибиотика, только благодаря им я сейчас дышу.

Вспомнив об этом, я вдруг наполняюсь светлой энергией, расположенностью к нему, готовностью простить грубость и вредный нрав: всё это мелочи в сравнении с тем, кто он для меня, как многим я ему уже обязана, а сколько всего ещё предстоит...

Моя рука поднимается сама собой и палец трогает чёрный завиток. Он такой неожиданно мягкий наощупь, не по-муж-

ски шёлковый.

Я слышу его дыхание – оно перестало быть спокойным.

Через секунду и Альфа разворачивается, расстёгивает свой спальник, за ним мой и, наконец, обнимает, прижимает к себе. У него на груди так спокойно, что от переизбытка благодарности, я опять начинаю рыдать.

– Всё, что тебе нужно было сделать – это просто обнять меня... – говорит мне шёпотом.

Собственно, я могу сказать ему то же: обними он меня сразу, и этих слёз бы сейчас не было. Скорее всего, мы целовались бы, как все четыре дня до этого.

Он вначале гладит меня по голове, потом тоже трогает мои волосы.

– Не состригай больше волосы, ладно? – внезапно просит.

Я не теряюсь:

– Тебе лысым быть тоже не очень-то идёт.

– Бритым. Не знаю, почему это сделал. Не помню. А почему ты постриглась?

– Чтобы стало легче... порядок на голове наводить.

Он кивает и жарко дышит в мой лоб.

– Всё, что я сказал тебе – правда.

– О чём?

– О том, почему я выбрал тебя. Всё, что сказал – всё правда.

Альфа целует меня в лоб, и я отчётливо улавливаю в этих поцелуях сожаления.

– Я знаю, – говорю ему.

Гладить его по колючей щеке так приятно, что у меня в животе вылупляются карамельки. Я закрываю глаза. И, наверное, с закрытыми мне проще, потому что решения принимаются сами собой.

Я выдёргиваю зажатую между нашими телами руку и тоже обнимаю его. Моя ладонь, оказавшись на его спине, сама собой начинает двигаться – ласкать. Он не останавливает меня, ничего не говорит, только частота и глубина его вдохов меняется. Я опускаю руку ему на поясницу, нахожу край футболки, поднимаю и касаюсь кончиками пальцев его кожи. Секунду, две, три мои пальцы прокладывают путь вдоль его позвоночника, и, когда достигают лопаток, я слышу долгий, тёплый выдох мне в шею и ощущаю, как его губы касаются её. Моё сознание распадается от удовольствия, и не сразу, но я всё-таки осознаю, что и его пальцы тоже рисуют восьмёрки и кольца на моих голых рёбрах. Уверенно так, будто не в первый раз.

Глава 4. Нападение

Beach House – Another Go Around

Когда я просыпаюсь и открываю глаза, в них врывается обилие голубого света. Это такой красивый оттенок, у которого обязательно должно существовать какое-нибудь собственное название. Минут пять я зависаю в его беззаботном пространстве и сонно, а потому, может быть, замороженно наблюдаю за тенью сосновой ветки на потолке. Она так спокойно и размеренно раскачивается, словно ни зимы, ни цунами, ни дровосека с топором в природе не существует.

Это странно, я прожила в этой палатке больше месяца, те дни были дольше, начинались раньше, а солнце светило ярче, но я не разу не заметила всей этой красоты, ни разу не зависала в голубом свете, боясь дышать и шевелиться.

Альфю нахожу снаружи. Он сидит на земле, рядом с его правой ногой – мачете, маленьким ножиком он аккуратно строгает стрелы.

– Пойдёшь на охоту?

– Нет.

– Чего невесёлый такой?

Может, обнять тебя надо? – думаю про себя.

– Никак не могу выбрать из двух зол меньшее.

– Давай, помогу. Излагай варианты.

– Из отрезка пройденного пути – ничтожного, к слову –

я сделал вывод, что далеко и быстро мы не уйдём. Передо мной встал вопрос: есть ли смысл тебя мучить? Не факт, что нас будут преследовать, а чем закончится насилие твоего организма, вполне очевидно.

– И чем?

– Ничем хорошим.

Альфа поднимает на меня глаза, и мне очевидно другое: он опять зол.

– Тебе нужно сперва набраться сил, потом только выдвигаться в путь. Иначе мы точно не дойдём.

– А куда мы идём?

Давно следовало задать этот вопрос, конечно.

– Обратно, в нормальную жизнь.

– Ты знаешь, где она?

– Да. За горной грядой. Вдвоём это – две недели пути только чтобы пересечь горы, а сколько ещё за ними – неизвестно. Я знаю точно одно: там гораздо теплее, мороза, возможно, вообще не будет.

– Откуда ты всё это знаешь?

Альфа вздыхает.

– Мы все очень хорошо знакомы с природой, ориентируемся на местности, знаем, чем питаться в лесу, каких животных опасаться. Это означает, что мы на своей территории – где-то не очень далеко от тех мест, где выросли и жили раньше. Едва я вышел на пляж, как уже знал, что в этом песке зарыты съедобные моллюски. Умник разбирается в травах, да-

же водорослях, многие называли рыбу, которую смогли поймать. Всё это говорит о том, что мы местные и находимся на каком-то физически преодолённом расстоянии от дома.

– Ты Хромого туда отвёл?

– Только перевёл через гряду. Там равнины, и, я думаю, должны быть поля и люди. Не может земля в той местности не возделываться – слишком плодородная.

– Почему ты не пошёл с ним?

Лучше бы я не спрашивала. Этот коричневый взгляд так больно кусается, что я не выдерживаю и отворачиваюсь, но продолжаю чувствовать жжение в районе уха и шеи.

Похоже, Альфа вернулся из-за меня, и его это бесит. Как, в принципе, и то, что мы вообще сюда попали – по его версии, по моей инициативе. Нет смысла с этим спорить. Расклад наших характеров и ролей таков, что, скорее всего, так и было. Интересно только, как, зачем и почему эта мысль пришла мне в голову? А затем подкрепилась желанием и решимостью. Что такого он сделал? Ведь сделал же, не иначе! Не дура же я, ей богу, подписаться на такое из спортивного интереса!

Хотя, в любом случае, дура.

Альфа собирает палатку, надевает один рюкзак на спину, другой вешает на грудь, и мы снова выдвигаемся в путь. Примерно через час, преодолев тонны веток и поваленных деревьев, выходим на побережье прямо к лагуне.

Ну ничего себе! – думаю. Вот это он ориентируется! У

него что там, компас в голове?

Альфа снова раскладывает палатку, но не закрепляет её крючками к земле, что может означать только одно: мы тут временно и ненадолго.

– Можешь прилечь пока, отдохнуть, – предлагает он мне. – Я попробую рыбу поймать.

Kinda Like It – Black Atlass

Само собой, «лежать» у меня нет настроения. Одно дело не иметь сил на долгую и сложную ходьбу посреди ночи и совсем другое – валяться трупом целый день в палатке. Поэтому я сижу. Возле неё. Но это только вначале, пока наблюдаю, как Альфа закатывает штаны до колен.

Когда он входит в воду, мне становится скучно, и я решаю передвинуться поближе к нему – на берег. Подумав ещё, возвращаюсь, чтобы прихватить рюкзак с лекарствами и его мачете – самое ценное, что у нас есть.

Альфа сосредоточенно бродит по воде в поисках рыбных жертв, а мне становится жарко – солнце припекает сегодня и не дает сидеть на месте. После цунами и шторма по обеим сторонам лагуны собралось ещё больше камней. Вероятно, всё, что цунами разбило и раскромсало, разбросало по побережью, шторм аккуратнo собрал в кучи и сложил около берега, преимущественно в тех местах, где есть его выступы.

Мне приходит в голову, что там, где камни соединяются с водой, можно поискать что-нибудь съедобное. Например, тех же моллюсков, какую-нибудь их разновидность из тех де-

сятков, что мы тут находили. Мне приходится долго лазать по камням, прежде чем удастся найти одну в чёрной ракушке. Чуть поодаль от неё находится ещё одна, и больше ничего.

– Да, не густо, – вслух заключаю я.

Но у Альфы дела обстоят ещё хуже – на его счету ноль очков.

Я залезаю повыше – на самый верхний камень из всех, сваленных в кучу на этом выступе, чтобы оглядеться по сторонам и, может быть, с высоты что-нибудь найти интересное. Отсюда вся лагуна видна как на ладони. Так интересно! Вода прозрачная, и мне видно всё дно целиком. Там, где глубже, она темнее, там, где мельче – светлее. Альфа сосредоточенно бродит по отмели посередине лагуны – преследуют рыбину, которой не сидится на одном месте, а он, видимо, ждёт, когда она зароется в песок, чтобы ему было легче попасть в неё копьем. В воде, конечно – это не то, что в воздухе. Тут ему охотиться сложнее.

Внезапно я замечаю под водой тёмное пятно. Некоторое время приглядываюсь, пытаюсь понять, что это. В какой-то момент, решаю, что камень. Но камень внезапно начинает двигаться в направлении пляжа, причём так быстро, что я аж дышать перестаю. С открытым ртом и замершим сердцем наблюдаю, как нечто с чёрной спиной и белыми боками выскакивает из воды прямо на песок и хватает одну из стаи снующих туда-сюда чаек. Это невероятно! Но хищник также

легко уходит под воду, как и выскочил из неё на берег.

Первая моя мысль: Мы здесь плавали! Я, Рэйчел – десятки раз, и даже Цыпа однажды! Вторая моя мысль: Альфа...

– На берег! – ору ему, что есть мочи.

Он поднимает на меня глаза, но не двигается с места.

– Там рыба! Большая! Огромная! Опасная! Скорей вылезай!

– Где? – вопрошает он с недоверием, и даже не думает шевелиться.

– Вон! Вон там! – тычу рукой в направлении тёмного пятна под водой. – Чёрная! Она большая! Огромная! Вылезай скорей!

Альфа стоит на месте. Но теперь смотрит на берег. В этот самый момент из воды выскакивает ещё одна особь – раз в пять меньше той, которая вылезала первой. Она тоже метит в чайку – единственную сумасшедшую, которой хватило ума вернуться на место обеда своего большого сородича. Альфа тоже это видит. Его тело напрягается, он замирает на месте в странной позе.

Маленький хищник оказывается не таким удачливым как большой – он промахивается и возвращается в воду.

В то же мгновение Альфа начинает двигаться. Но он выбрал неправильное направление!

– Куда?! – кричу ему. Его траектория и тень под водой могут пересечься. – В другую! В другую сторону уходи!

Но он как будто глухой и не слышит меня. От страха у ме-

ня становятся скользкими ладони. Животное под водой передвигается намного быстрее, чем Альфа. Когда между ними остаётся не больше двадцати метров, я чувствую, как волосы на моём затылке встают дыбом.

В этот самый момент в моей памяти происходит вспышка.
– Акула-а-а!

Альфа, действительно, оглох. Отсутствие его реакции на это слово вначале пугает меня ещё больше, а потом до меня доходит: он сам собрался нападать.

– О боже... – едва хватает мне сил произнести шёпотом.

Я опускаюсь на корточки между камней и закрываю лицо ладонями, чтобы не видеть. Мне так страшно, панически, неуправляемо, что начинает тошнить.

Но страх проходит сразу, как я нахожу в себе силы оторвать пальцы от глаз и посмотреть на лагуну: Альфа очень быстро идёт к берегу и что-то тащит за собой. Это что-то как будто висит на его копье. Выскочив из воды, он вытягивает за собой акулу и проворно оттаскивает её всё дальше и дальше от воды.

Я поднимаюсь и, всеми силами стараясь унять дрожь в коленках, лезу по камням в направлении берега. Из-за проклятой дрожи ступни соскальзывают с камней, я ударяюсь, но боли не чувствую.

Альфа уже оттащил тушу на приличное расстояние от кромки воды, и мне, наконец, становится легче.

Как только подбегаю, он рывкает:

– Где мачете?

Я, конечно, не сразу соображаю, где. Когда это всё-таки происходит, Альфа сам выдёргивает нож из моего рюкзака, и одним ударом добивает рыбину.

Меня начинает тошнить ещё сильнее.

– Дурак, – говорю ему. – А если бы те большие напали на тебя?

На последних словах, озвучивающих весь ужас, который я только что пережила, мой голос срывается. Он просто не понимает, как это страшно – смотреть на такого важного для тебя человека, когда он в опасности! А главное, продолжает находиться в ней намеренно!

– Это не акулы, – спокойно возражает он. – Это касатки. Я поймал их детёныша.

– Они съедят тебя в отместку, когда ты в следующий раз войдёшь в эту воду!

– А я не войду. Этой рыбины нам хватит надолго.

Мы оба опускаемся на песок и стараемся отдышаться. Касатка с торчащим из глаза копьём лежит прямо перед нами. Я стараюсь унять тремор в руках, и как только что-то начинает получаться, ощущаю на себе взгляд соседа. Поднимаю глаза и точно: смотрит на меня искоса, сосредоточенно и как-то тревожно. У меня возникает ощущение дежа вю: такое уже было и не раз. Впервые он смотрел так на меня тоже на пляже, и тоже был встревожен. Только я была совсем другой.

И вдруг меня осеняет: я в самом начале и я нынешняя –

это два разных человека. А вот он – всё тот же.

Он тянется рукой, и я сразу же думаю, что ко мне, даже успеваю обрадоваться. Но нет, его интересует мачете. Обернув пальцами рукоятку ножа, Альфа некоторое время держится за неё, потом тянется дальше – к моему рюкзаку.

В нём у меня есть плоский узкий карман, вероятно, для чего-то большого, но при этом не объёмного, очень нужного в повседневной жизни. Покидая палатку, я запихнула в него лук Альфы – подумала, он может расстроиться, что его прекрасное оружие, осталось без присмотра. Ну и стрелы тоже прихватила на всякий случай.

Ну всё, думаю, сейчас будет отчитывать, что прикоснулась к его луку без спроса.

Но Альфа молча вытягивает своё орудие охоты из рюкзака, а за ним осторожно стрелу. Потом резко натягивает тетиву и разворачивается.

Я тоже поворачиваю голову в том направлении, куда смотрит он.

Мать честная! Рауль! А с ним... кто это? Умник? Да, похоже, что он, только стриженный.

Мне снова тошно, опять мокнут ладошки. Господи, когда же наступит покой?

– Эта территория моя! – заявляет Альфа на весь пляж. – Валите!

– Указания теперь раздаю я, – отвечает ему Рауль.

– Но ты же помнишь, что делать это можешь только когда

меня нет?

– Всё изменилось, Альфа. Твоему правлению пришёл конец – теперь тебя вряд ли станут слушать даже полёвки.

– Иллюзии. Их не запретишь. Но раз пришёл ко мне сам, то слушай. Моя территория начинается здесь и простирается до старой землянки. Тот, кто тронет мою женщину или ступит на мою территорию, – тут Альфа поднимает выше локти и сильнее натягивает тетиву, – получит стрелу между глаз. В качестве посла... являться на мою территорию разрешаю только девушкам. По одной.

– Боишься мужиков?

– Мне они вряд ли причинят вред, а вот моей женщине могут. Хочу, чтобы она чувствовала себя в безопасности на моей земле.

– Это вряд ли после того, что она сделала.

– А что она сделала?

«Спасибо, Альфа» – хочется сказать в этот момент. У меня самой едва не сорвался с языка этот вопрос.

– В общем-то, да, – соглашается Рауль. – Как следует из того, что сейчас видят мои глаза, ты вполне вменяем и от последствий чёрной магии не страдаешь, – язвительно усмеяется.

– Ну, раз состава преступления нет, то на том и решим: обвинения с Седьмой снимаются, и она свободно отправляется жить на отдельную территорию вместе со мной.

Рауль пожимает плечами.

– Лично я не против. Ты против? – спрашивает Умника.

– Нет!

Слишком легко, думаю я. Подозрительно быстро они согласились. И только эта мысль успеваешь мелькнуть в моей голове, как из кустов в нашу сторону начинает очень быстро двигаться третья фигура. Альфа было прицеливается, но тут же падает – что-то сбilo его с ног, только я не знаю, что, не успеваю заметить. Саму меня придавило чем-то тяжёлым к песку, так что не вдохнуть ни выдохнуть.

Это Восьмой. Выражение его лица такое безобразное, что я не сразу узнаю в нём Восьмого. Он пытается меня душить, но я отбиваюсь ногами – луплю ими его живот. В какой-то момент даже получается откинуть его в сторону.

– Тебе-то я что сделала? – хриплю.

Моё возмущение и обида так велики, что даже саднящее горло не останавливает: мне надо знать, когда и чем я обидела лично его?

Стиснув зубы, Восьмой снова вцепляется в мою шею.

– Мне ничего. А вот Альфии...

Едва успеваешь договорить, как в его голову прилетает кулак. Судя по часам на запястье – это мой Альфа. Он откидывает Восьмого в сторону и ставит меня на ноги, как куклу.

– Дыши! Дыши! Дышать можешь? – трясёт за плечи, как полоумный.

Я изо всех сил, чтобы у него точно не осталось никаких в этом сомнений, утвердительно киваю головой. В горле та-

кая боль, что на этот раз не могу выдать ни слова, как ни стараюсь.

Когда удаётся прийти в себя и успокоиться достаточно, чтобы оглядеться, я обнаруживаю Восьмого и ещё одного парня – кажется, это Семнадцатый – лежащими на песке и не подающими признаков сознания.

Рауль и Умник тоже тут, но на своих ногах и чуть поодаль. Умник закрыл лицо руками, физиономия Рауля выражает недовольство.

– Уходи в свою землянку, – говорит он. – Когда эти двое очнутся, мы, – тут он поворачивается к Умнику, – скажем в лагере, что ты отбилсЯ и сбежал, что вменяем. ЛюдЯм нужен не ты, а она. Отдай её нам, и к тебе гарантированно больше никто не придёт.

– Нет.

– Так я и думал. Ну, дело твое. Мы скажем, что вы оба сбежали.

– Уходите ськорее! – торопит нас Умник.

Альфа подцепляет тушу косатки и совершенно спокойно спрашивает у меня:

– Идти можешь?

Я киваю в ответ.

– Рюкзак свой сможешь нести?

И мне приходится напрячь своё горло чтобы произнести:

– Возьму оба.

– Оба не надо. Свой возьми.

Мы отходим к палатке, складываем её. Пока я собираю вещи, Альфа ловко пропихивает копьём верёвку в то отверстие в касатке, которое осталось после орудия убийства. Едва мы успеваем всё это сделать и немного отойти в сторону, как Рауль вдруг на весь пляж объявляет:

– Ты наверняка считаешь себя его проблемой?

Я с удивлением обнаруживаю, что смотрит он на меня.

– Ошибаешься: это *он* твоя большая проблема. Ты стала изгоем *из-за него*.

Глава 5. А что если?

Hania Rani – Buka – @artconcert's Piano Day

Пляж, простирающийся за лагуной, гораздо меньше нашего, вернее, того, на котором до цунами располагалась деревня, но даже этот путь занимает три часа. Альфа то и дело спрашивает, не устала ли я, и мне самой не понятно почему, но не устала. Я бы шла и шла, не останавливаясь.

В конце концов, песок заканчивается, и до следующего пляжа нужно пробираться по холмам и скалам, покрытым лесом. К счастью, он не густой, и передвигаться по нему довольно просто... если не тащить за собой тушу касатки. Я всё время называю её рыбиной, а Альфа каждый раз поправляет, что она – млекопитающее.

– Переночуем здесь, – командует он.

– Я не устала! – спешу заверить.

Альфа кивает, мол, знаю я.

– До землянки идти ещё минимум пол светового дня, а сейчас вечер. Нам придётся переночевать на полпути. И потом... – вздыхает он, – мы сегодня не обедали.

И не завтракали, собственно, тоже.

Альфа первым делом ставит палатку, я тем временем ищу сухие ветки для костра. Мы забрались на вершину холма – тут теплее и суше и видно далеко, а вокруг полно сухостоя и опавших веток.

Не знаю, откуда у меня столько сил, но их много! Я таскаю ветки, ломаю их, помогаю разводить костёр, и мне всё равно, кто из нас чья проблема. Если бы не обстоятельства, я бы осталась жить на этом холме. С одним только условием: чтобы Альфа был со мной.

Я поднимаю глаза, чтобы взглянуть на него, потому что безумно этого хочется, и наталкиваюсь на его карие. Он смотрит ими на меня внимательно и спокойно. У него разбита переносица, но на лице нет и следа былой злости. Получается, он зол, когда встревожен?

Я выпрямляюсь и несколько не медля делаю шаг, два, три, и пришвартовываюсь к его груди. Когда его руки обернуты вокруг меня, вот как сейчас, а моя щека прижата к его рёбрам – это все равно, что Вселенная тебя обнимает.

– Они снова придут за нами? – спрашиваю.

– Нет, – тихонько отвечает он.

– Откуда такая уверенность?

– Рауль упивается властью, – усмехается Альфа. – Ты разве не заметила? Если ему хватит ума её удержать, а ему хватит, они будут его слушать. Этим людям нужен поводырь, иначе они не могут. Раулю я только мешал, а к тебе у него нет и не было претензий.

Мы варим мясо добытой «не рыбы» в котелке над костром – Альфа ещё засветло успел соорудить над ним жердь. Запах бульона вкусно стелется по холму, и выдержать время, пока еда будет готова очень тяжело, если ты почти сутки не ел. Но

мы не тратим припасенные на долгий путь домой сухофрукты и вяленую рыбу – едим моих моллюсков. Хорошо, что я успела спрятать их в карман рюкзака до того, как заварилась вся эта каша с касаткой и вражеским нападением.

Акула, которая не акула и не рыба, а млекопитающее, отвратительна на вкус. Если бы мы запекали её в фольге....

Фольга. Плотная металлическая обёртка, в которой можно готовить мясо и рыбу. Интересно, что существование такого явления как фольга, только сейчас всплыло в моей памяти. Вот так я и вспоминаю многие вещи, из чего следует, что она медленно, но возвращается.

Однако, почему я никогда и ничего не вспоминаю о нём, если мы действительно были парой? Он тогда признался, будто что-то вспомнил, но не уточнил, что именно. Может, на самом деле и не вспоминал ничего, а сказал так только для того, чтобы я была более послушной? Может, таинственная пара не мы?

Может, и не было никакой пары, просто человеку необходимо верить в то, что он не один? Что есть кто-то, кто тревожится о нём точно так же, как о себе самом? А все эти совпадения, дежавю – просто игра нашего разума?

Tom Odell – Flying

Вдвоём спать намного теплее, особенно если в обнимку, особенно если засунуть ладошки ему под мышки, а ноги между его ног. Если он обнимает со спины – это тоже очень неплохо. Чаще всего мы так и делаем: первым всегда он об-

нимает меня, потом я его – когда переворачиваемся на другой бок. Но, перед тем как уснуть, нам обязательно нужно полежать какое-то время носом к носу.

– Почему ты помнишь больше чем я?

Альфа пожимает плечами.

– Ты помнишь больше всех!

– С чего ты взяла? Просто далеко не все спешат это афишировать.

– Ну кто, например?

– Да хотя бы Рэйчел.

– Почему она?

– Когда она объявила своё имя, я провёл небольшой эксперимент, вернее, тест: неожиданно позвал. Она обернулась, хотя я действительно сделал это очень тихо. Рэйчел вспомнила своё имя, в отличие от Альфии. Та не откликнулась ещё пару недель, и кричать иногда нужно было очень громко, – ухмыляется.

А я думаю: и зачем же она так сильно была тебе нужна, если та аж кричал её имя? Лучше бы меня позвал.

– Да ясно же, она придумала его! – говорю с раздражением. – Интересно только, почему именно «Альфия»?

– Ну, если исходить из того, что альфа – первая буква алфавита, то первая – означает главная.

– А, по-моему, она сделала это... из романтических соображений. Вроде как вы «та самая пара», и ты её выбрал.

Альфа смеётся, причём добродушно. Но мне приятно не

это, а то, что его руки в этот момент прижимают меня крепче.

– Почему вам, девчонкам, так важно, кто кого выбрал?

– А вам, парням, не важно?

– Ну, точно не в первую... и даже не в третью очередь.

– А что важно?

– Важно, из чего смастерить окна в домах. Ты только представь, если нет никакого источника света, то это полная темнота: ни вещь нужную найти, ни еду приготовить в зимнее время. Нужно ломать голову над искусственным освещением!

– Окно в землянке состояло из восьми частей. Если речь идёт только об источнике света, а не об эстетической стороне вопроса, то восемь прямоугольных стёкол, пусть и небольшого размера – это восемь окон.

– Восемь не десять. Как определить тех, кому окно не достанется?

– Жребием.

– Хорошо. Другая проблема: как утеплить эти стекла так, чтобы зимой не было потерь тепла? Короче, чтобы из них не дуло?

– Ну, мох, например, есть. Можно ещё подумать над применением слизи моллюсков – она такая липкая!

– Слушай, мне иногда кажется, что ты получаешь удовольствие от всего этого выживания. Это подозрительно, ты не находишь?

– Неправда. Я домой хочу. Каким бы он ни был.

Чуть позже, когда я уже проваливаюсь в сон, успокоенная размеренным дыханием над моим ухом, он спрашивает:

– А что если... когда мы вернёмся... вдруг окажется...

– Что? – сонно бормочу, только чтобы не обиделся.

Я всё жду-жду, когда же он закончит мысль, но этого так и не происходит, и от накопленной за этот бесконечный день усталости засыпаю.

Будит меня голос. Он принадлежит не Альфе, и больше того, даже не мужчине.

– Эй, кто здесь? – спрашивает голос. – Ребята?

Альфа хлопает глазами, силясь проснуться и взглянуться в моё лицо, как бы пытаюсь понять, я это говорю или нет.

– Можно войти? – снова спрашивают снаружи.

Невзирая на то, что разрешения так и не последовало, молния на дверце палатки начинает жужжать – её можно растегнуть и с внешней стороны. В образовавшуюся в молнии щель аккуратно пролезает лицо в веснушках, обрамлённое спутанными почти белыми волосами.

Глава 6. Трио

Second Sun – Planetary Movement (2022) – Into The Nebula

– Альфа? – озаряется её лицо, как только их взгляды сталкиваются.

Её радость от встречи с ним так безудержна, что психика, как мне кажется, заретушировала то место в палатке, где лежу я. Короче, она не замечает меня до тех пор, пока его хриплый после сна, но не менее требовательный чем обычно, голос приказывает ей:

– Будь добра, выйди.

Полчаса спустя мы с Альфой жарим касаткино мясо на берегу. Из этого места до палатки подниматься с минуту, не больше, а тушу разделывать удобнее и безопаснее возиться с костром.

Цыпа расположилась неподалёку от нас. У неё тоже костёр, но не видно никакой еды.

Он молчит. Его настроение сейчас кажется таким опасным, что я тоже молчу. И недоумеваю: «Что происходит»?

Когда мясо на наших палочках начинает подрумяниваться, я аккуратно решаюсь спросить:

– Можно я Цыпе одну отнесу?

– Нет.

– Что-то не видно у неё еды, – обращаю его внимание.

– Нет.

Мне не очень понятно, что означает это «нет». «Нет», в смысле он тоже не видит у неё никакого пропитания?

Вероятно, я как-то выдаю царящий хаос в душе, потому что он методично уточняет:

– Мы ни с кем не будем делиться едой.

– Ни с кем? – повторяю я на автомате.

Альфа, не поднимая от костра лица, умудряется всё же с такой выразительностью взглянуть мне в глаза, что никаких вопросов уже не остаётся.

Только возражения:

– Мы же ни за что всю её не съедим! К вечеру туша уже будет целиком тухлая!

– Я сказал, делиться едой мы больше ни с кем не будем. И это не обсуждается. Точка.

Из меня прёт такой жар, что костёр позавидует.

– А чего это ты раскомандовался? Опять!

Альфа вскакивает, как ошпаренный, словно только этого и ждал, чтобы выплеснуть совершенно непонятно откуда взявшиеся недовольство и злость.

– Ты когда-нибудь начнёшь меня слушать? Когда-нибудь до тебя дойдёт, что всё, что я делаю, я делаю для тебя? Когда-нибудь уже ты перестанешь перечить, ломать всё, что я делаю, компрометировать мои решения?

Я тоже встаю.

– Альфа... – начинаю, но вся моя решимость испарилась от его неожиданного напора.

– Она не отвяжется от нас, ясно же! Переход долгий и сложный, а с тобой... он будет вдвое дольше и сложнее. Охотиться на птиц в лесу почти невозможно – нужен простор, а на другую дичь я просто не умею!

– Но кабана же ты...

– Это была случайность... Седьмая! Случайность! Тот кабан сам напал на меня! У меня нет уверенности, что смогу прокормить нас двоих, а с ней мы точно не дойдём! Она будет умирать от голода у тебя на глазах, потому что, запомни, я не буду отдавать ей твою еду! Свою тоже не отдам, потому что без меня, погибнешь и ты. А сейчас она ещё может вернуться в лагерь. И не быть такой стервой, наконец!

Его правда отрезвляет. Мне и в голову не приходило, что всё настолько плохо. Просто, рядом с ним так надёжно и безмятежно, что подобные мысли в принципе не возможны.

– Вам не хватало еды с... Хромым? Ну, когда вы...

– Одна птица на двоих на неделю.

– О боже... – вырывается у меня. – А вода?

– С водой нормально – было достаточно ручьёв. А если их не было, твоя бутылка спасала. Я поведу нас тем же путём, чтобы гарантированно пить. К тому же, я думаю, в эту пору в горах нас уже будет ждать снег – это упраздняет проблему воды, но поднимает другую...

– Мы можем замёрзнуть, – заканчиваю за него я.

– Не замёрзнем! Но мне не нужны дополнительные проблемы, – его взгляд нервно устремляется в сторону Цыпы...

то есть, Альфии.

Как я могла... Как же я могла быть настолько уверенной, что он влюблён в неё?

– А я думала, вы друзья...

Он поворачивается снова ко мне и многозначительно смотрит. Так долго, что всё это наше странное приключение успеваешь промчаться перед моими глазами.

– А ещё ты была уверена, что я не просто враг тебе, но и угроза всему человечеству, – напоминают мне.

– Не всему, а только девятнадцати... – уточняю, потупив взгляд в костёр.

– Наелась? – спрашивает он строго и с нажимом.

– Да, – отвечаю, зная наперёд, что он сделает.

И когда его нога заканчивает пинать наши палочки с куточками печённой касатки в костёр, довожу до его сведения.

– Ну и зря. Сырая туша к вечеру сгниёт, а вот приготовленная рыба сохранилась бы гораздо дольше. Мы могли бы и вечером поесть, и завтра пообедать ею. А припасы сохранили бы на худшие времена...

Теперь его распирает от эмоций так, что ступни не могут спокойно стоять на месте. Я узнаю шквал, который он никак не может утихомирить внутри себя, в том, как безумно и часто его дыхание. Но мудрости во мне всё-таки прибавилось за эти месяцы: намеренно не отрываю взгляд от костра, избегаю столкновения с ним.

И это момент моего триумфа. Я знала, что он сделает, но

не остановила, потому что его страхам нужен был выход. Какой-нибудь показательный акт вандализма, чтобы восстановить пошатнувшийся статус главаря. Пьедестал, с которого ему проще будет в будущем сообщать свои решения. Я молча смотрела, как он гробит час нашего труда – с голодухи мы нажарили мяса касатки в пять раз больше, чем способны съесть, потому что осознанно приняла первенство и превосходство.

Главное, что я теперь понимаю – это важно не только для него, но и для меня, для выживания нас обоих. Это не приключение, это испытание.

Но он, оказывается, тоже способен признавать поражение. Пару минут спустя, совладав с эмоциями, как ни крути, никогда не ведущими к разумности, заявляет:

– Хорошо. Спасибо за это замечание. Мы задержимся ещё на пару часов и пережарим всю оставшуюся непорченую рыбу. Много там осталось?

– Всё, что было рядом с головой и внутренностями уже можно выбросить. Но и осталось тоже достаточно. Нам хватит.

И как же хорошо, что ему не нужно идти на охоту! А мне не нужно оставаться одной и ждать его. Пусть и злой, всё же спокойнее, когда он рядом.

– Нам важно сохранить твои силы, – добавляю, подумав. – Иди поспи, а я пережарю оставшееся мясо.

И, само собой, получаю:

– Нет. Это твои силы нам нужно беречь. Поэтому отправляйся-ка в палатку, а я займусь устранением своей оплошности.

И он тоже получает «нет».

Чтобы не рассориться с ним опять, мне приходится отойти в сторону за хворостом, но Альфа, похоже, не доверяет уже никаким кустам в этой местности – идёт за мной.

Потом, пока он молча точит из тонких веток стержни для гриля, я нарезаю мясо для выпечки: партнёры – это всегда двустороннее движение и компромиссы. Ему придётся это понять и принять так же, как поняла и приняла его первенство я.

– А теперь иди в палатку отдыхать, – командует он.

И я слушаюсь, хотя мясо ещё не всё разделано.

Я просыпаюсь от яркости. Солнце светит теперь с другого боку. Оно стало красновато-жёлтым, и его лучи, просачиваясь через голубую ткань палатки и смешиваясь, кажутся зелёными. Только тени сосновых веток так же размеренно и спокойно раскачиваются, словно внушая, что вечность существует.

– Чем занимается самый сладкий мальчик? – издали разрезает мою безмятежную вечность вязкий и приторный, как мёд, голос.

Я бы никогда не додумалась такое ему сказать. Да что там, мне бы никогда не пришло в голову, что он «сладкий». И что со мной не так?

Само собой, мой глаз мгновенно находит щель в дверном проёме палатки. Альфа сидит у костра ко мне спиной, и с высоты мне видна только его кудрявая макушка. Цыпа стоит напротив и улыбается. Её улыбка, в отличие от голоса, очень натуральная, мягкая, радушная. Мне уже сотню лет так никто не улыбался, и от этого как-то очень сильно щемит в груди. Такое чувство, словно вся моя жизнь состояла из таких вот точно улыбок, и сейчас всё моё существо неосознанно по ним тоскует.

Альфа ничего не отвечает, и прекрасная улыбка на её лице фатально тает. В последней надежде Цыпа выбрасывает белый флаг:

– Я только хотела сказать, что очень рада вас видеть... В одиночестве так тяжело... Я правда... я искренне очень рада видеть вас... обоих.

– Мы рады, что ты рада, – отвечает он, наконец, а я аж выдыхаю.

Альфа молча поднимается, переходит на другую сторону костра и снимает очередную порцию жареной рыбы, сгребая её на тот же камень, который мы использовали раньше для остывания.

Его голова оказывается на уровне Цыпиной талии, прямо рядом с ней, и я как в трансе вижу её руку, мягко опускающуюся на его волосы.

– Господи, – совсем тихо говорит она, – какой же ты всё-таки... сладкий...

Одного взгляда на его лицо мне достаточно, чтобы понять: всё со мной так. От эпитета «сладкий» его лицо скривилось до такой степени, что начинает напоминать акулий оскал. У меня аж кожу вспучивает пупырышками от яркости впечатлений. И уши прижимаются к черепу.

В какой-то момент мной вместо ревности овладевает страх, что он сейчас развернётся и с размаху...

– Я только хотела спросить, нет ли у вас лишней еды? Так вкусно пахнет... – сразу исправляется Цыпа, доперев, видно, наконец, что её милого Альфы больше нет.

А тот выпрямляется и кажется рядом с ней горой.

– Слушай... Я сейчас скажу важное. Очень важное. Поэтому собери все свои выдающиеся способности и услышь меня.

– Слушаю.

– Собирай вещи и возвращайся в лагерь.

– Я хочу пойти с вами.

Альфа качает головой:

– Нет.

– Но почему?

– Ты знаешь.

– Можно мне еды? Немного.

Он стоит и молча на неё пялится. Потом, наконец, медленно и очень чётко произносит:

– Я не буду тебя кормить. И тебе не удастся меня разжалобить.

– Её будешь?

– Буду.

– Почему?

Потому что «запах», ухмыляюсь про себя.

– Серьёзно? Мне сейчас перед тобой отчитаться? Или можно позже?

– Не отчитывайся. Просто объясни. Неужели трудно?

– Не трудно. Не вижу необходимости.

– И всё-таки, мне хотелось бы знать, Альфа. Мы ведь дружили с тобой, всё было хорошо. И тут вдруг она. Почему она?

– Я смотрю, у тебя привычка не внимать с первого раза. Но мне не сложно, я повторю: нет у меня желания делиться личным с теми, кого оно не касается. Это ясно? И ещё раз: я не буду тебя кормить. Возвращайся сейчас, если хочешь выжить.

– Я никогда не видела тебя таким...

Он с самого начала моей болезни такой. Только иногда случаются редкие проблески – как раз в такие моменты мы и целуемся.

Глаза у Цыпы такие красные, что она похожа на Белого Кролика. А я думаю: как хорошо, что Цыпа нам попалась – не только мне огребать.

– Иди в деревню, – повторяет он чуть тише, но несколько не ласковее.

– Можем мы хотя бы дружбу сохранить?

– Есть мнение, что дружбы между мужчиной и женщиной быть не может.

– Но мы ведь дружили!

– И дружба эта закончилась чем? Сейчас оставь меня в покое. Седьмая вон свободна... вы ведь, кажется, друзья? Или это тоже в прошлом?

Меня аж передёргивает.

– Альфа, я тебя не узнаю! Что с тобой случилось? – не унимается Цыпа.

– Осточертело всё.

– И даже я?

– Ты – в первую очередь.

Даже у Цыпы заканчивается запас стойкости. Она закрывает лицо руками и всхлипывает.

– Чего ты ожидала? После всего, что устроила? Ты интриганка, оказывается... а это, как выясняется, и есть то, что я больше всего не выношу в людях!

На меня он так ни разу не рычал. В сравнении с этим, просто немного повышал голос. Господи, думаю, как же хорошо, что я не интриганка...

Внезапно Цыпа отрывает от лица руки.

– Даже не верится, – с тяжестью в голосе, но и одновременно с обречённым спокойствием вдруг произносит она, – что человек, стоящий сейчас передо мной, когда-то так усердно засовывал свой язык мне в рот.

Альфа тотчас же бросает взгляд на палатку. С расстояния,

увидеть меня через щель невозможно же... или возможно?

– А вот это уже было подло.

Если в голосе Цыпы была тяжесть, то это тогда что? Конец света?

– И низко, – добавляет он с нажимом на каждое слово. – Убирайся вон. И больше никогда не попадайся мне на глаза.

Цыпа смотрит на него в упор. Он тоже не сводит с неё глаз.

– Ты как будто другой человек... – с дрожью в голосе озвучивает она мои мысли.

– Я, как и многие, не тот, кем старался казаться.

Когда он входит в палатку, вернее, залезает в неё, я импульсивно и, наверное, слишком резко отодвигаюсь в сторону. Не то что бы боюсь, но, наверное, моя нервная система перестала выдерживать бесконечный натиск его отрицательной энергии.

Альфа замирает на пару мгновений, будто осознавая, что только что произошло. Его лицо бледнеет, а глаза становятся ещё злее. В какой-то момент мне действительно становится страшно и даже кажется, что он вот-вот меня ударит, а когда его рука вытягивается в моём направлении, я шарахаюсь от него, как от чумы. Схватив за ворот куртки, Альфа резко притягивает меня к себе и обнимает. Так стискивает, что мне аж дышать затруднительно. Только через несколько минут я обращаю внимание на тот факт, что мы немного качаемся, всё так же в обнимку посередине своего дома.

И мне, наконец, доходит: ему очень плохо.

– Не смей меня бояться! – шёпотом приказывает моему уху. – Никогда не смей...

Глава 7. Что такое страсть?

В тот день мы успеваем преодолеть большой участок пути – почти до самой землянки. С сумерками, однако, приходится разбить лагерь, не дойдя всего пару часов до неё. Хотя, надо быть честной, не в сумерках дело – у меня просто не осталось сил, и как бы я ни старалась это скрыть, он, конечно, увидел.

Мы не разговаривали ни во время пути, ни перед сном. Но он обнял меня, засыпая. Лёжа в его объятиях и пытаюсь разглядеть звёзды сквозь тонкую ткань, я с трудом отгребала в стороны тяжёлые мысли о том, что сказала Цыпа, и что так сильно его разозлило. В том её жесте, когда она положила руку ему на макушку была не только смелость, но и обыденность. Словно делала она это уже не в первый раз, и подобный жест – не самое интимное, что в принципе между ними возможно, потому она так и удивилась, когда он откинул её ладонь.

Это так больно, оказывается – принимать, что человек, который значит для тебя так много, может состоять в отношениях с другими людьми. Какими бы ни были эти отношения – это место, куда у тебя нет приглашения.

Lykke Li – Happy Hurts

Я сразу узнаю берег, где за густыми деревьями спрятан старый деревянный дом с разбросанной то ли ветром, то ли

цунами черепицей.

Поскольку Альфа и не думает останавливаться, приходится спросить:

– Мы разве не к землянке идём?

– Нет.

– А куда?

– Куда получше. Увидишь, когда придём.

– Может, хотя бы в огород заглянем?

Альфа останавливается, сбрасывает рюкзаки на песок.

– Я уверен, что в этом нет смысла. Нам ничего не оставили, не сомневайся.

Скорее всего, он прав: Цыпа прожила тут несколько дней, чем-то же она питалась? И когда все её запасы вышли, она направилась в лагерь. А на полпути ей и встретились мы.

– Но ты права, тебе нужно передохнуть. Тут есть место... подходящее.

«Подходящее» было произнесено таким странным тоном, уже, правда, мне знакомым. В тот раз мы говорили о моих памяти и опытности в интимных делах.

Подходящим местом оказывается поляна всего в каких-нибудь семи-восьми минутах на восток от землянки. Мы с Рэйчел тогда наощупь взяли курс повыше – на север и пропустили место, от которого всё во мне начинает светиться.

Поляна скорее похожа на долину с высокой и сухой, почти белой травой, выспевшие колосья которой покрыты бе-

лым пухом. Когда слабый ветер проходится по ним, ковёр оживает и превращается в мягкое ласковое море. В таком не страшно и тонуть – ничего ведь плохого не случится.

Я так долго люблю эту красоту, что даже голова начинает кружиться.

– Что-то ты притихла... – внезапно замечает Альфа.

Он уже разложился: вынул наши спальные и расстелил на траве, развернул бумагу с запечённой рыбой.

– Тут так... красиво! – признаюсь я. – Может, тут останемся?

– Навсегда? – сощурившись уточняет он.

– Да! – радостно киваю я.

– Боюсь, зимой тебе всё это разонравится. Особенно, если я не успею построить нам хотя бы шалаш.

И тут только до меня доходит:

– Ты отправил её в лагерь, потому что она – гарантия моей безопасности? – я усаживаюсь рядом с ним.

– Ну наконец-то! – расплывается он в улыбке. – И это, разумеется, не единственная причина.

Мне плевать на все возможные причины всего сущего на земле. Он улыбается! А я не видела его улыбку... сотни, нет, тысячи лет. И мой рот невольно тоже растягивается.

Но Альфа вдруг почему-то перестаёт улыбаться. Нет, на этот раз не из-за того, что огорчён, а по какой-то другой причине. Его глаза как-то слишком внимательно смотрят на мои губы, и мне не нужна память, чтобы догадаться, почему. Его

желания так очевидны, что их, кажется, можно ощутить физически.

Я только начинаю осторожно к нему приближаться, когда его высокомерие и непоколебимость обрушиваются на меня одним нескончаемым, цикличным потоком... потребности.

Мда. Выходит, у него всё-таки есть потребности, и он, оказывается, от них зависим. Они подло срывают с него корону, выбивают из-под ног трон и заставляют прижиматься ко мне губами. А когда я открываю рот, чтобы ему было удобнее, у него совсем царственный разум сносит.

Люди слышали, как он выл от боли и страха. А слышали ли кто его удовольствие? Как такой негромкий звук способен быть настолько пронзительным, что всё тело покрывается мурашками? А вызывать такое торнадо внутри?

Когда его пальцы касаются кожи на моей талии, я на время забываю дышать. Они прижимаются к моим рёбрам, и шторм внутри меня превращается в цунами, но, когда они неожиданно сдавливают мою голую грудь, я трезвею.

И залепляю пощёчину.

Его губы алые, как и обе щеки, хотя хлестнула я только по одной, а зрачки ненормально расширены. Ему нужно время, хоть и короткое, чтобы собраться с мыслями, вдохнуть и выдохнуть:

– Извини... Я сделал больно?

– Нет! Не больно. Но ты... вообще охренел?

– В каком смысле? – шёпотом спрашивает он.

Его зрачки уже приняли нормальный человеческий размер, но зато глаза теперь расширены так, будто у меня три головы, и он в ужасе. Серьёзно? Меня боится?

И правильно делает!

– Ты куда руки свои суёшь?! – то ли уточняю, то ли напоминаю я.

Нет, он всё ещё заторможен, видно, не вышел до конца из транса. Да, было очень приятно в моменте, с этим нельзя не согласиться. Но он же всё сам и испортил!

Он ещё некоторое время смотрит на меня ошарашенно, потом проводит по лицу рукой и когда убирает её, я наконец, вижу привычного Альфу.

– Прости. Это больше не повторится.

Он резко поднимается и направляется к берегу.

– Эй, ты куда? – кричу ему вдогонку.

Разве это безопасно – уходить на такое расстояние? А вдруг с ним что? А если ко мне кто-нибудь нагрянет, пока его нет?

Но никто ко мне не навевывается добрых пару часов. Солнце за это время успевает перекатиться на другой бок и покраснеть. Дни всё короче и короче.

– Ты где был? – спрашиваю его, когда возвращается.

Я и поплакать, и поспать за это время успела, и обдумать всё тридцать три раза, заново взвесить и ещё несколько раз пережевать. Как ни крути – я права, ну если логически, но внутри есть такое подлое и острое чувство, что нет.

– Нужно было побыть одному. Бывает у тебя такое? – бросает короткий на меня с прищуром взгляд.

Альфа вернулся теперь окончательно. Не только в пространственном смысле, но и в принципиальном. Потому что одновременно с облегчением меня придавило чувством ущербности и острой потребности всё вспомнить, чтобы не ощущать себя полной дурой. Каким-то неясным образом я буквально осязаю кончиками пальцев, что это я сделала глупость, а не он.

Он всё знает и всё понимает, и именно этот факт, а не мы сами и каждый по отдельности, воздвигает его статус на непреодолимое между нами расстояние.

Глава 8. Маяк

Lykke Li – NO HOTEL

На самой вершине высокой скалы возвышается одинокий юноша в белой рубашке, подпоясанный красным широким поясом. Его взор устремлён в кажущуюся бесконечной серую даль океана, а глаза вечно ищут черты проплывающих каравелл. Он всю свою жизнь ждёт их, чтобы подмигнуть одним глазом, а они, показавшись лишь на короткие минуты, всегда проходят мимо. Печаль его неумолима, как и вечная суета кораблей.

– Господи... и это всего в дне хода от землянки!

– Даже меньше, – слышу за спиной.

– Кто ещё знает о нём?

– Никто.

Да, конечно. Никто, кроме Альфы, не забредал так далеко.

– А Хромой? – вдруг вспоминаю я.

– Мы здесь не проходили, я нашёл его на обратном пути.

У маяка есть ещё тоненький металлический поясок поверх красного, а его край ровной линией ниспадает до самой земли. Только очень внимательный и зоркий глаз разглядит примыкающую к его верхнему концу дверцу.

– Там есть что-то внутри? – не дыша, спрашиваю я.

– Конечно, – таинственно отвечают мне.

Краска на металлических поручнях облупилась, а на самих ступенях стёрлась полностью. С неровной стены крупными хлопьями облетела побелка, и там, где теперь её нет, зияют яркие кирпичные пятна.

Лестница, хоть и неудобная, скоро заканчивается и мы выбираемся на добротный деревянный помост, плотно и надёжно опоясывающий тело маяка, словно юбка. Альфа смело подходит и стучит кулаком в деревянную, тоже всю облинявшую дверь, потом шарит прямо над ней рукой и почти сразу находит то, что искал. Ключ отмыкает замок, возле которого всё ещё видны остатки когда-то красной краски. Дверь, такая уставшая от ветров и полуденного солнца, что аж больно на неё смотреть, открывается без скрипа.

Мы входим внутрь, Альфа, конечно первым, а я за ним.

В этот момент меня обуревают смесь противоположных и самых неожиданных эмоций. Во-первых, страх, что хозяин этого места нам не обрадуется, во-вторых, неуёмная радость от того, что мы набрали пусть и на заброшенное, но всё-таки жилище, а в-третьих, затаившееся предвкушение чего-то острого,пряного, и одновременно мягкого, комфортного и очень важного.

Внутри оказывается просторная комнатка. Посередине стол с двумя стульями, у стены полукруглый камин, а напротив него высокий буфет из добротного тёмного дерева. Верхние его дверцы резные со вставленным молочного цвета стеклом, и за ним отчётливо различаются вазочки, коро-

бочки, баночки. Но это не самое интересное здесь – есть ещё лестница, ведущая наверх.

– Ты бывал здесь раньше? – наконец, решаюсь я спросить.

– Угу.

– А что наверху?

– Ещё комната. Пойди посмотри, если хочешь.

Сам он сбрасывает рюкзаки на пол и без промедления направляется к старинному, потемневшему то ли от лака, то ли от времени, буфету. Этот предмет мебели состоит из трёх очевидных частей: вверху небольшой кабинет со стеклянными витражами в виде полу солнц на дверцах, посередине ниша и столешница, украшенная от стены настоящим зеркалом, а снизу самый большой шкаф с глухими деревянными дверями, запирающимися к тому же на замок.

Альфа снова шарит рукой – на этот раз на самой верхушке серванта – и снова находит ключ.

– Ты тут как у себя дома, – замечаю ему.

Он молча открывает дверцы, и моему взору, как и его, открываются большие, металлические банки с цветными наклейками. Эти наклейки, да и золотистый металл банок выглядят так привлекательно, что у меня аж желудок сводит.

– Обалдеть... – только и выдыхаю я.

– Да, – говорит Альфа. – Семь банок. Телятина с горошком и овощами.

– Семь? – машинально не своим писклявым голосом повторяю я.

– Семь, – утвердительно кивает он головой.

Альфа поднимается и уверенно отпирает глухие деревянные ставни, закрывающие небольшое окно, а я заглядываю внутрь нижних ящичков буфета – тут есть несколько бумажных кулчков с крупами, коробка с сахаром и пачка чая в пакетиках.

– О Господи... о Боже! – практически ору я. – Тут есть чай и еда! Представляешь?!

Мне достаточно одного взгляда на его лицо, чтобы понять. Он об этом знает. Знал задолго до того, как мы тут объявились. Больше того, он вёл нас сюда.

– Это здесь ты нашёл консервы и сахар для Цыпы? В землянку ведь не заходил...

– Здесь, – кивает он и отворачивается.

Да, самыми ценными продуктами он всегда подкармливал Цыпу.

– Можно мне завтра забрать эти продукты с собой? – с надеждой спрашиваю я.

– Нам придётся задержаться на некоторое время.

– Разве мы не торопимся?

– Две причины: тебе нужно набраться сил и дождь.

Он прав, к вечеру небо подозрительно затянуло тучами.

– Может, он завтра закончится? Или не начнётся вовсе.

– Что-то мне подсказывает, что дождь будет затяжным. И если это так, нам лучше переждать его здесь. За это время ты и окрепнешь.

Он прав. В дождь мы далеко не уйдём. А может, долго и не проживём – неминуемо заболеем.

– А если дождь начнётся, пока мы в пути?

– Поймаем потепление и выдвинемся. Не спрашивай, откуда я знаю, что оно будет.

– Сколько, ты говорил, нам нужно на дорогу? Две недели? Думаешь, за это время погода ни разу не переменится?

– У нас есть непромокаемые куртки, палатка тоже хорошо показала себя в деле. Если на ночь прогреть землю костром и накрывать это место большим количеством еловых веток, то есть шанс, что днище не промокнет. И на пути точно есть несколько пещер. Я постараюсь быть внимательнее и находить нам сухой ночлег.

– Хорошо, – бодро киваю я, мне нравится его план, тем более, что у самой нет никакого.

Вскоре Альфа ставит меня в известность:

– Я схожу за дровами.

– Так есть же дрова вроде, – киваю я на стопку, аккуратно сложенную у стены даже не сомневаюсь кем.

Или ты снова хочешь побыть наедине с собой, а я тебе осточертела со своими вопросами и нытьём?

– На всю ночь не хватит, а будет холодно.

Действительно, с появлением туч температура упала градусов на пять.

– Там наверху есть спальня и две кровати. Отдохни. Если сможешь сама растопить камин – будет хорошо, погреешься.

А я пойду, пока не стемнело. Закройся изнутри и никому не открывай. Ясно?

– Ясно, – послушно киваю я.

Слушаться и повиноваться, похоже, уже входит у меня в привычку.

– В нижнем ящике буфета в жёлтой бутылке есть немного жидкости для растопки. Хотя бы на один раз точно должно хватить, – добавляет напоследок Альфа, уже подходя к двери.

Рыться в чужих шкафах как-то неловко, но мне нужно убедиться, что нашла жидкость для розжига, пока он не ушёл. Иначе потом придётся ждать его возвращения в холоде и темноте, а хочется уже тепла поскорее. Бутылку я нахожу сразу – и впрямь на дне её плещется немного жидкости – а в нижней части буфета, рядом с крупами, находится ещё и нечто, завёрнутое в несколько слоёв прохудившегося от времени пластикового пакета.

Я вытягиваю его из шкафа и принимаюсь разворачивать, как вдруг из складок резво выскакивает паук. Он небольшой и совсем не страшный – с длинными как палки неловкими ножками, но от неожиданности я вскрикиваю и роняю пакет. Он с лязгом грохается на пол.

Альфа резко разворачивается:

– Что случилось?

– Паук... – неуверенно объясняю я.

Альфа, который умеет перемещаться в пространстве ком-

наты за четверть секунды, уже стоит рядом и крутит рукой в разных направлениях, с улыбкой рассматривая, как кружит по его пальцу паук.

– Он не опасный.

Выпроводив паука наружу, Альфа возвращается и поднимает с пола пакет. В нём оказывается двойная металлическая сетка в виде подков. Альфа разглядывает её с таким довольным видом, что аж и присвистывает:

– Вот это находка!

– Что это? – интересуюсь у него я.

– Ты большая молодец! Выписываю тебе грамоту за бдительность! Я-то проглядел...

– Что это? – нетерпеливо повторяю я свой вопрос.

– Ловушка! – с благоговейным восторгом сообщает он. – На крабов, скорее всего. Но главное – они тут, похоже, есть. Да, точно... здесь каменистый берег, а это то, что нужно, – продолжает рассуждать он вслух.

Что бы это ни было, я рада поднять ему настроение. Особенно после того, что произошло накануне.

Я затворяю засов, как обещала, когда Альфа уходит вместе с ловушкой и кусочками сушёной рыбы. Поднимаюсь по узенькой деревянной лесенке и наверху и нахожу ещё комнату. Одна её стена прямая – тут видно, проходит труба от камина и прогревает и эту комнату тоже. Вдоль неё стоит большая кровать, а напротив у другой стены – маленькая. Я соображаю, что спать на большой будет значительно теплее.

Окошко тут поменьше, но зато на нём нет никаких глухих ставень и от этого комнатка кажется уютнее. Я приподнимаю раму со стеклом вверх, высовываю лицо наружу, чтобы поздороваться с океаном, но успеваю заметить фигуру Альфы – он некоторое время возится с ловушкой, закрепляя кусочек сушёной рыбы внутри неё, потом размахивается и забрасывает в воду. Океан сегодня беспокойный – последние несколько часов довольно ощутимо дует ветер. Мне зябко и очень хочется закрыть окно, но я не могу оторвать глаз от Альфы. Он закрепляет конец верёвки, к которой привязана ловушка, обернув его о небольшой камень, и направляется в сторону леса. Идёт он очень быстро – торопится набрать дров засветло, и исчезает из виду практически сразу.

Мои ноги несут меня вниз по лесенке с такой скоростью, что я сама в неё с трудом верю – откуда только силы взялись после дня пути! Пальцы проворно отворяют засов, и вот я уже на тоненьком пояске маяка – деревянном помосте. Берег отсюда обзревается так далеко, что если бы Альфе не нужно было в лес за дровами, я смогла бы любоваться им всё то время, пока его нет рядом. Его спина ещё долго боготворится моими глазами, пока, наконец, не исчезает в густой чаще.

Я сразу же прячусь от ледяного холода и влажного ветра в уютной комнатке маяка. Осмотревшись повнимательнее, замечаю рядом с буфетом узкую дверцу. Точно, эта стена тоже прямая! Из-за того, что к ней примыкает буфет, это не сразу и понятно, а за стеной спряталась маленькая ниша. Свет

из крошечного окошка достаточно хорошо освещает убранство – металлическое ведро, таз и кружку. На маленькой полочке под окном лежит потрескавшийся кусок мыла и скрученная от старости мочалка – это мне не пригодится. А вот несколько голубых губок в полиэтиленовой упаковке – даже очень. Одну я возьму себе, одну Альфе. Ещё одна останется про запас, и её я упакую в рюкзак. Свой, конечно же. Альфа ведь не позволяет брать «ничего лишнего», банку с шампунем, например. Но я всё равно всунула малюсенькую, хорошо, что ему не известны все мои потайные карманы. Нашла этот микроскопический пузырь в лагерном мусоре, отмыла и перелила остатки подаренного Ленноном шампуня туда. Теперь он замаскирован страшным словом «sanitizer», и даже если и будет обнаружен досмотрщиком, сойдёт за медицинские принадлежности – эта категория строго охраняется законом.

Жидкость из жёлтой бутылки действительно помогает мгновенно разжечь огонь в камине. Становится тепло и ещё уютнее. Вода в ведре нагревается быстро, так что я успеваю не только основательно отмыться от болезни, пота и дорожной пыли, но и поймать непревзойдённый, ни с чем не сравнимый кайф чистоты и горячей воды на вечно мёрзнувшем теле.

– Если мы всё-таки дойдём домой, – обещаю вслух кому-то, – я больше никогда и ни за что на свете не буду ввязываться ни в какие авантюры!

Чистая, как новая копейка, я принимаюсь осматриваться дальше. Кое-где под потолком комнаты, под лестницей, по углам, где буфет примыкает к стене, видны густые мотки паутины, а на полу полно мёртвых насекомых и пыли.

Альфа хоть и приказал ждать его и не высовываться, но не могу же я, честное слово, сидеть сложа руки! Натянув куртку и потуже завязав капюшон, выхожу на мостик маяка. Снаружи уже дует так, что мне приходится держаться за перила, пока спускаюсь вниз. Вот-вот начнётся дождь, а Альфы всё нет. Океан уже выглядит угрожающе, и я начинаю переживать из-за ловушки – как бы её не унесло.

Аккуратно спустившись к тому месту, где Альфа привязал верёвку, я хватаюсь за её конец и начинаю тянуть. Ловушка поднимается легко, и я успеваю даже подумать, что затея не удалась и ничего в неё не угодило, но как только она появляется на поверхности, мне отлично видны сизо-зелёные тела крабов. Они такие крупные и увесистые вне воды, что я аж визжу от радости и не без труда поднимаю ловушку на камни.

Вообще-то, я выходила за ветками – нужно сделать веник, чтобы подмести в комнате и собрать паутину. Ловушка возникла уже по ходу выполнения основной миссии, но теперь приходится по камням пробираться к кустам с тяжёлой штуковиной наперевес.

И, как ни странно, мне в радость всё это. Абсолютно всё. И работа, и хлопоты, и даже надвигающийся шторм, от кото-

рого я очень скоро укурюсь с самым важным для меня человеком в тёплом и уютном домике. Предвкушение этого покоя вдвоём с ним, умиротворения, наполняет меня азартом и приливом сил, достаточным, чтобы переделать все дела.

Альфа возвращается с вязанкой кедровых дров, от дурманящего запаха которых аж кружится голова. Заметив прикорнувшую у стены ловушку, он усмехается:

– Так вот кто унёс ловушку! А я было подумал, это океан.

В буфете нашлась песочного цвета скатерть и тарелки с оленьими и коричневым папоротником по краю. Я не могла оторвать от них глаз всё то время, пока света из окна было достаточно, чтобы их освещать. Приготовленная банка с надписью «жаркое из телёнка» и три отваренных в подсоленной воде краба, смиренно ждут своего часа посередине стола, укрытого жёлтой тканью.

– Да тут целый пир! – с восхищением комментирует мои хлопоты Альфа.

Но его игривый настрой мгновенно сменяется чем-то другим. Через мгновение мне кажется, что он вот-вот сбросит дрова на пол и подойдёт ко мне, но Альфа, словно одёрнув себя, отворачивается и аккуратно складывает их у стены на пол.

От разочарования то ли в нём, то ли в себе мне аж больно.

– Знаешь, мне жаль, что я не такая, как другие девушки, – внезапно выпаливаю то, чего не собиралась. – Ну, в смысле, не умею быть... всё делаю невпопад и ничего не помню о

том... короче, несексуальная я.

Он едва слышно хмыкает.

– Ты ела? – ласково спрашивает.

– Нет, тебя ждала.

Альфа снова окидывает стол взглядом и от выражения его лица в комнате как будто светлеет.

– Там должна быть где-то свеча... в буфете, – неуверенно припоминает он.

– Правда? – подпрыгиваю я. – Где?

– Посмотри в верхнем шкафчике... кажется, там я её видел.

Как только стол и вся комната озаряются мягким жёлтым светом, Альфа подходит ближе и берёт в руки мой блокнот. Я напрягаюсь.

– Знаешь, я могу нарисовать по памяти чьё угодно лицо. А твоё – нет. Только глаза. Интересно, почему? – спрашиваю.

Альфа не сразу отрывает взгляд от свободного изображения себя же в моём блокноте и смотрит на меня в упор.

– Говоришь, несексуальна?

Мне аж не по себе от вопроса и не совсем понятен сложный ход его мыслей.

– Ты сражаешь другим. И на совсем ином, куда более опасном уровне.

Он подходит ко мне и наклоняется. Я успеваю заметить, как закрылись его глаза, прежде чем лицо исчезло из моего вида. От того, как глубоко и как неспешно, с чувством, он

вдыхает воздух где-то у меня за ухом, у меня самой закрываются глаза и маяк словно начинает вращаться вокруг своей оси.

Новое, незнакомое чувство наполняет меня, одурманивает. Мне начинает казаться, что я не могу удержаться на ногах – с такой силой меня раскачивает.

– Я так и думал, что ты найдёшь эту ванную! – усмехается внезапно охрипший голос Альфы всё там же – у меня за ухом. – Поделишься шампунем, Чистюля?

– Угу, – только и могу что промычать.

– Догадалась и мне согреть воды?

– Ну разумеется, Ваше Сиятельство! – понемногу прихожу в себя и я.

Пока он моется, новые, совершенно не свойственные мысли толкаются в моей голове, провоцируя возбуждение по всему телу. Дверь тонкая и не закрывается, а за ней он – мокрый и ничем не защищённый, не укрытый. Мне до одури, до умопомрачения хочется заглянуть в огромную щель между дверной коробкой и самой дверью, и чтобы сдержаться я придумываю себе занятие – хлеб.

В жёлтом пакете с надписью «рис» оказалась вовсе не крупа, а мука. В том же шкафу нашлось и маленькое сито. Прокалив муку на противне и просеяв её от мелких чёрных козявок, я смешала её с водой, принесённой Альфой из ручья, и налепила тонких лепёшек, диаметром с мою ладонь. В какой-нибудь другой жизни, я может быть, и не стала бы нико-

гда есть хлеб из муки, в которой жили насекомые, но в этой жизни хлеб – это такой деликатес, который во сто крат дороже крабов, моллюсков и красной рыбы.

Запах печёного теста очень скоро наполняет комнату, и Альфа, выйдя из душа в чистых и местами прилипших к телу футболке и джинсах, аж закрывает глаза от удовольствия.

На столе уже лежит первая партия «лепёшек» и когда он берёт одну из них, я считаю своим долгом поставить его известность:

– В муке жили чёрные козявки. Я их прокалила над каминном и просеяла муку, но всё-таки...

– Спасибо за предупреждение.

От хруста жёсткой корки у него во рту, кончается и моё терпение – снимаю пробу с выпечки и я. Это, наверное, самый ужасный и неправильный хлеб в мире, но господи, какой же он вкусный! И это самый первый хлеб, который я ем с тех пор, как открылись мои глаза.

Альфа со словами «завтра постираю» складывает грязную одежду на лавочку у окна и возвращается к столу, но не садится за него, а выкладывает из буфета запасы.

– Давай посмотрим, что тут есть.

Он аккуратно раскладывает припасы на столе. Самое ценное в них – оставшиеся шесть консервов – телятина с горошком. Банки такие большие, что тепло становится внутри.

– По одной тебе на каждый день, пока мы тут. Что останется несъеденным, заберём с собой.

– Почему только мне?

– Потому что.

– Так не пойдёт. Это принципиально. Мне в горло кусок не полезет. Как это, вообще, самой есть? А ты... такой большой – тебе как раз и нужно столько калорий – а будешь голодным?

Альфа вздыхает глубоко и устало.

– Никакого героизма, – наконец, признаётся. – Я точно дойду, с консервами или без. А вот ты... не уверен.

И мне сразу становится ясно: никакая тут не романтика. Раскатала губу! Вожак, всего на всего, опасается, что мне не хватил сил дойти, а бросить меня он не может.

– Хорошо, – говорю.

Потом, ещё немного подумав, предлагаю:

– Но может, лучше их оставить в дорогу? Больше калорий, больше сил?

– Нет, – качает головой Альфа. – Слишком тяжёлые, нам не нужен такой вес. А силы твои важно восстановить как можно быстрее.

– Я дойду! – твёрдо обещаю ему. – Не сомневайся.

Он отрывает, наконец, глаза от ценностей, аккуратно разложенных на жёлтой скатерти, и рассматривает моё лицо с таким выражением, от которого мне становится щекотно внутри.

– Я сделаю всё, как ты сказал, – твёрдо обещаю ему. – Теперь и мне виден и ясен смысл. Но давай, сегодня съедим

по банке вместе?

Не успеваю я договорить своё предложение, как его губы растягиваются.

– Давай, ты начнёшь свою, и поглядим, сколько в тебя влезет. Наверняка же всю не съешь.

Это правда – банки огромные. Наверное, смотритель маяка – настоящий гигант.

Когда Альфа заканчивает вскрывать банку, я подставляю ему тарелку с оленями, и он, улыбнувшись, выворачивает в неё содержимое. От запаха у меня начинает кружиться голова в самом прекрасном смысле этого слова. Нет в природе ничего совершеннее телятины в оранжевом соусе, утыканных зелёными горошинами.

Потом, когда всеми правдами и неправдами мне всё-таки удастся соблазнить расчётливого и упёртого Вожака первой ложкой, а за нею и второй, и пятнадцатой, я понимаю, что ошиблась: самое прекрасное в мире находится не в тарелке с оленями. Самое желанное почти всегда прямо передо мной, но увидеть его можно только в те моменты, когда тёмные тучи его вечно пасмурного настроения рассеиваются, и из-за них на время выглядывает его игривое лицо. Я таю в такие моменты. Забываю о еде, об опасности, о болезни и страхе, о трудностях и сложностях. Всё, что я вижу – сощуренные глаза цвета крепкого кофе, губы, скулы, чёрные пряди волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.